

Тара Создемир

Изоляция

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тара Создемир

Изоляция

<https://litres.ru/74671657>

SelfPub; 2026

Аннотация

Снег. Полярная ночь и буровая станция.

Балтазар Авель не собиралась влюбляться в начальника буровой. Она собиралась три месяца мерить температуру грунта и улететь домой. Но Арктика — место, где планы рушатся быстрее, чем лёд под гусеницами вездехода.

Это история о том, как в мире, где все друг друга знают, легче всего спрятать преступление. И о том, что любовь иногда начинается не со слов.

Тара Создемир

Изоляция

А

Глава А

В грузовой кабине вертолѐта было холодно и громко. Над головой непрерывно ревели двигатели. Мелкая дрожь шла через пол, откидные сиденья вдоль бортов, через ящики, принайтовленные к полу оранжевыми стропами.

Ящиков было девять: серые пластиковые кейсы с защѐлками, два деревянных, сбитых гвоздями, и один длинный футляр, похожий на чехол для удочек. Рядом лежали мешки с почтой, коробка с надписью «ЯЙЦО, НЕ БРОСАТЬ» и деревянный барабан с чѐрным кабелем толщиной в палец. Барабан был привязан к стойке двумя стропами крест-накрест.

Пассажиров было двое.

Мужчина лет сорока в оранжевом комбинезоне, расстѐгнутом до пояса, спал, откинув голову на обшивку и сложив руки на животе. Шапка была натянута на глаза. Когда вертолѐт резко снижался или кренился, его голова отрывалась от обшивки и падала обратно. Он не просыпался.

Напротив, ближе к хвосту, сидела женщина в тѐмно-зелѐной пуховой куртке с меховой опушкой на капюшоне. Капюшон был откинут, волосы стянуты на затылке в узел. Из узла выбилась прядь, попадала ей в рот, и она несколько раз уби-

рала её пальцем за ухо.

На коленях лежал блокнот на пружине, перетянутый чёрной резинкой. Поверх блокнота — руки в варежках. Ногой она упиралась в ближайший кейс. Когда вертолёт качнуло и кейс сдвинулся на стропе на несколько сантиметров, женщина наклонилась, сняла варежку, подёргала стропу и подтянула её. Потом снова надела варежку.

Большую часть полёта она смотрела в иллюминатор.

Внизу тянулась белая равнина. Снег лежал мелкими застывшими волнами, с серо-голубыми тенями в низинах. Изредка из-под него

торчали чёрные кустики, тонкие, в две-три ветки. От каждого тянулась в одну сторону короткая полоса наметённого снега.

На озёрах снег лежал ровнее.

Один раз внизу прошла река: широкая белая лента с голубоватыми торосами вдоль берегов. По высокому берегу тянулась цепочка следов, слишком мелких с этой высоты, чтобы различить, чьих.

Небо было низкое, светло-серое сверху и почти белое у земли. Горизонт местами исчезал. На юге, за хвостом, над краем земли лежала узкая полоса жёлто-розового света.

Вертолёт заложил вираж.

Мужчина в комбинезоне поднял шапку со лба, потёр лицо ладонью, посмотрел на часы. Затем на женщину.

Наклонился вперёд, упёрся локтями в колени и что-то

сказал.

Она покачала головой.

Он показал пальцем на ухо и повторил громче:

— Вы к нам?

— Да!

— Надолго?

— До весны!

Он кивнул, улыбнулся, показав сколотый передний зуб.

— Все до весны!

Откинулся к обшивке, но почти сразу снова подался вперёд.

— Вы кто? По какой части?

— Температура грунта! Оптиковолокно!

— Чего?

— Оп-то-во-лок-но!

Она показала рукой на барабан с кабелем.

Мужчина посмотрел на барабан, на неё, снова на барабан.

— Так мы ж температуру меряем!

— Я знаю!

Он пожал плечами и развёл руками, ладонями вверх.

Больше ничего не спрашивал.

Достал из нагрудного кармана жевательную резинку, выдавил две подушечки из блистера на ладонь. Одну сунул в рот, вторую протянул женщине через проход.

Она взяла, сказала «спасибо» и положила резинку в карман куртки.

Вертолёт сбросил высоту.

Снежные волны внизу стали крупнее. Мужчина постучал по иллюминатору костяшкой пальца и показал вперёд.

— Вон! Это мы!

Женщина прижалась лбом к стеклу.

Сначала появились несколько жёлтых точек на белом. Прожекторы на мачтах. Потом под ними проступили прямоугольные очертания построек.

Вертолёт шёл боком, по дуге, и объект медленно поворачивался под ним.

На небольшой возвышенности стояли три длинных светло-серых

жилых модуля с узкими окнами. Они располагались параллельно друг другу на сваях. Между днищем каждого и снегом оставался просвет высотой примерно в человеческий рост. Под модулями местами виднелась тёмная земля.

Модули соединялись крытыми переходами.

Вдоль каждого, по обе стороны, через равные промежутки выступали из снега тонкие серебристые трубы с ребристыми радиаторами наверху.

Дальше стоял ангар с полукруглой крышей, белой от инея. Перед ним, на площадке, в ряд располагались гусеничный вездеход, экскаватор, бульдозер с поднятым отвалом и жёлтая буровая установка на гусеницах. Её мачта лежала вдоль корпуса.

За ангаром находился небольшой отдельный модуль на

сваях, с антенной на крыше. Рядом — две горизонтальные цистерны на опорах и генераторная. Из её трубы поднимался белый дым, сначала прямо вверх, затем загибался в сторону.

За постройками был размечен большой прямоугольник.

По его границе стояли красные вешки. Внутри рядами торчали из снега короткие оголовки свай — десятки тёмных квадратов на одинаковом расстоянии друг от друга. Часть рядов обрывалась. Между ними проходили следы гусениц.

В стороне от свайного поля стояли ещё шесть вешек, отдельно, неправильным кругом. Возле каждой находился низкий ящик на ножках.

Женщина отстранилась от стекла, сняла варежку и открыла блокнот на заложённой странице.

Карандашом там была нарисована схема: прямоугольник, кружки, цифры.

Она посмотрела в блокнот, затем в иллюминатор. Ещё раз в блокнот.

Закрыла его.

Вертолёт завис над площадкой и пошёл вниз.

Снег под ним поднялся плотной белой стеной. На несколько секунд за иллюминаторами ничего не было видно.

Колёса коснулись наста. Кабину качнуло вперёд, затем назад.

Звук двигателей стал ниже. Винт продолжал вращаться.

Бортмеханик в шлеме прошёл между ящиками и отодвинул дверь.

В кабину ворвался холод. Из ртов пошёл пар.

Бортмеханик откинул лесенку, спрыгнул на снег и повернулся, протягивая руки за первым ящиком.

Мужчина в комбинезоне застегнулся до горла, поднял воротник. Проходя мимо женщины, хлопнул её по колену.

— Давайте, удачи.

Выпрыгнул наружу, не касаясь лесенки.

Женщина отвязала стропы. Подавала ящики бортмеханику по одному, придерживая каждый за ручку снизу и отпуская только после того, как он принимал вес.

Футляр подала последним.

— Этот на бок не класть.

Бортмеханик кивнул. Держа футляр двумя руками, огляделся и прислонил его вертикально к кейсу.

Снаружи, сбоку от двери, стоял высокий мужчина.

На нём была тёмно-синяя куртка с откинутым капюшоном и чёрная вязаная шапка. Из-под шапки на висках виднелись короткие тёмные волосы. Лицо крупное, с тяжёлой нижней

челюстью. Брови низкие и густые, покрытые инеем. Иней лежал и на ресницах. Нос был немного свёрнут влево у переносицы.

В правой руке он держал папку-планшет с зажимом. Края листов под зажимом загнулись от холода.

Он стоял, расставив ноги, пока снежная пыль от винта оседала на плечах.

Посмотрел в открытую дверь, мимо женщины, вглубь кабины, где оставались мешки с почтой и коробка с яйцами.

Затем повернулся к мужчине в комбинезоне.

— Здорово, Маттиас.

— Здорово.

— Авель где? С вами должен был лететь.

Маттиас перестал жевать. Посмотрел на высокого, затем через плечо — на дверь вертолёта.

— Так это ж она.

Женщина спускалась по лесенке. На верхней ступеньке взялась за поручень, ниже переставила ногу, с последней прыгнула.

Ботинки ушли в снег по щиколотку.

Она выпрямилась, натянула капюшон и тут же откинула обратно: меховая опушка попала в лицо.

Щёки у неё покраснели. На крупных губах собирался иней.

Она подошла к высокому мужчине и подняла голову.

— Балтазар Авель.

Стянула правую варежку, сунула её под мышку и протянула руку.

— Зара.

Мужчина посмотрел на неё.

Затем опустил взгляд в планшет, отогнул большим пальцем загнувшийся край верхнего листа и прочитал несколько строк.

Снова посмотрел на женщину — на лицо, на протянутую руку, снова на лицо.

Пожал руку. Его широкая ладонь охватила её пальцы. Сжал один раз, коротко, и отпустил.

— Валкрейн.

— Я знаю.

Он ещё раз посмотрел в лист.

— Балтазар.

— Да.

Винт над ними замедлялся. Посвист лопастей становился всё реже.

— Ваши родители религиозные фанатики?

Зара надела варежку. Поправила её на запястье, натянула плотнее и улыбнулась.

— Вы не поверите, как банально вы сейчас прозвучали.

Она коротко засмеялась в нос, не открывая рта.

Маттиас хмыкнул и отвернулся к вертолёту.

У Валкрейна приподнялся левый угол рта.

Он закрыл планшет и сунул под мышку.

— Это всё ваше?

Кивнул на ящики.

— Это всё моё. Плюс барабан. Он внутри, он тяжёлый.

— Рольф! — Он крикнул, не оборачиваясь.

От ангара, где возле вездехода стояли двое в оранжевых комбинезонах, отделился один и пошёл к ним, высоко поднимая ноги в снегу.

Валкрейн уже двигался вдоль фюзеляжа к кабине пилотов.

На ходу кивнул бортмеханику. Тот пошёл следом.

Пилот сдвинул боковую форточку и высунул локоть.

Валкрейн остановился под форточкой, поднял голову и заговорил.

Пилот отвечал, показывал рукой на юг, затем на небо. Потом покачал растопыренной ладонью из стороны в сторону.

Зара достала блокнот, сняла резинку, вытащила из спирали короткий карандаш.

Обошла ящики, пересчитала их, касаясь каждого носком ботинка. Сверилась с записью в блокноте и поставила галочку.

Подошёл Рольф — широкий, бородатый, с инеем вокруг рта.

— Барабан где?

— Внутри. Вдвоём надо.

Рольф заглянул в кабину.

— Вдвоём не пролезем. Я сам.

Он забрался внутрь.

Послышались скрежет дерева по металлическому полу, тяжёлое сопение.

Рольф появился в проёме спиной вперёд, обхватив барабан обеими руками и прижав к животу. Начал спускаться по лесенке, нащупывая ступеньки ногой.

На последней поставил барабан на снег, на ребро, и выдохнул.

— Нормально.

Зара обошла барабан кругом.

Наклонилась, осмотрела намотку с одной стороны, затем с другой. Провела варежкой по верхнему витку кабеля.

Выпрямилась.

— Спасибо.

— А чего это?

— Кабель. Оптиковолокно, внутри.

Рольф посмотрел на барабан.

— Им меряют?

— Им меряют.

Рольф кивнул.

Вернулся Валкрейн.

Он остановился возле ящиков, глядя на груз.

— Следующий борт через три недели. Если погода даст.

Повернул голову к ангару.

— Стен! Подгоняй!

Вездеход дёрнулся, лязгнул гусеницами и пополз к площадке задним ходом.

За ним двигались широкие сани из сваренных труб, с деревянным настилом.

Машина остановилась метрах в трёх.

Из кабины вылез второй мужчина в оранжевом — щуплый, без шапки, с поднятым капюшоном.

Стен, Рольф, Маттиас и бортмеханик начали грузить ящики на сани.

Зара стояла у края и следила, куда их ставят.

— Этот наверх, пожалуйста, не под низ.

Рольф переложил кейс.

Длинный футляр Зара взяла сама и уложила поверх остальных, вдоль саней. Придерживала его рукой, пока Стен затягивал ремень с храповиком.

Мешки с почтой и коробку с яйцами Маттиас унёс отдельно, в руках, к модулям.

Бортмеханик забрался в вертолёт, втянул лесенку. Дверь отъехала и захлопнулась.

Валкрейн отошёл от вертолёта метров на двадцать.

Зара пошла следом.

Двигатели взвыли.

Снег снова поднялся стеной. Зара отвернулась и прикрыла лицо сгибом локтя.

Валкрейн стоял спиной к вертолёту, опустив голову. Снег сыпался на его плечи, шапку и капюшон.

Когда снежная пыль осела, вертолёт был уже над ангаром.

Он развернулся, наклонил нос и пошёл на юг, к жёлтой полосе света.

Звук двигателей ещё долго доносился издалека.

Потом остался ровный гул генератора.

Где-то лязгнул металл.

Снег под ногами коротко и сухо скрипел при каждом дви-

жении.

— Пешком, — сказал Валкрейн. — Тут двести метров. Он пошёл.

Зара двинулась за ним.

Валкрейн ступал широко. В снегу оставались неглубокие, чёткие отпечатки рифлёных подошв.

Зара шла сбоку от его следов и на третьем шаге провалилась выше колена.

Выбралась, переступила в его след и дальше пошла по отпечаткам, растягивая шаг.

Сзади лязгал гусеницами вездеход с санями.

Валкрейн прошёл вдоль ангара, мимо техники, и вышел к краю свайного поля.

Вблизи сваи оказались стальными трубами, торчащими из снега примерно на полметра, с заваренными сверху крышками.

Возле некоторых снег был разрыт до тёмной земли. В углублениях виднелись перевязанные проволокой пучки проводов, уходящие вниз.

У ближнего ряда стояла переносная будка-тепляк на полозьях. Из гофрированной трубы в её стенке выходил пар. Внутри тарахтел двигатель.

Валкрейн прошёл мимо свай, к шести отдельным вешкам.

Возле каждой находился металлический кожух на ножках, запёртый на висячий замок. Под кожухом из снега выступала обсадная труба скважины с навинченной крышкой. Из-под

крышки выходил серый многожильный кабель.

Между кожухами была протоптана тропа.

У третьего на коленях в снегу стоял человек в оранжевом комбинезоне.

Кожух перед ним был открыт.

Рядом лежал раскрытый жёсткий чемоданчик. Внутри находилась серая коробка с дисплеем. От неё шёл провод к разъёму в кожухе.

Человек держал варежку в зубах и нажимал кнопки голым пальцем. Через несколько нажатий быстро совал руку под мышку, затем снова вынимал.

На дисплее менялись цифры.

Зара остановилась.

Валкрейн прошёл ещё несколько шагов, затем тоже остановился и обернулся.

Зара смотрела на человека возле кожуха, на прибор, на провод. Затем по очереди на остальные пять кожухов.

Достала блокнот, открыла схему, посмотрела и закрыла.

— Это они? Мои шесть.

— Наши шесть, — сказал Валкрейн. — Термокосы. Стоят с сентября. Датчик через метр до пятнадцати, ниже через два.

Автоматика пишет раз в час, Курт раз в сутки снимает ручную для контроля.

Он кивнул на человека у кожуха.

Курт поднял голову, посмотрел на них, кивнул и вернулся

к прибору.

— Данные идут на компьютер в лабораторном. Хотите — смотрите.

— Хочу.

— Смотрите.

Валкрейн стоял, глядя на Зару.

Она смотрела на кожих.

— У вас будет то же самое, что у нас, — сказал он. —

Цифра в цифру.

Зара закрыла блокнот и перехватила резинкой.

— По глубине плотнее. У меня точка каждые двадцать пять сантиметров.

Убрала блокнот в карман.

— А так да. То же самое.

Валкрейн ещё некоторое время смотрел на неё.

Затем отвернулся и пошёл к модулю за ангаром.

Зара последовала за ним по тропе.

Лабораторный модуль стоял на сваях.

К двери вели пять металлических ступенек. На каждой лежала наледь.

Валкрейн поднялся, не держась за поручень.

Зара поднялась следом, держась.

Внутри было тепло. Пахло нагретым пластиком и пылью.

Одна длинная комната.

Вдоль окна, выходявшего на шесть вешек, тянулся стол.

На нём стояли два монитора, системный блок, принтер и

кружка с засохшим кофейным кругом на дне.

Под столом лежал удлинитель с горячей красной кнопкой.

Вдоль противоположной стены стоял металлический стеллаж до потолка. На полках — кейсы, коробки с бумажными бирками, бухты кабеля, канистра.

У двери слева оставался свободный угол: голый линолеум, сложенный брезент, поверх него — каска.

На левом мониторе была сетка.

По вертикали — глубина от нуля до тридцати метров. По горизонтали — температура.

На сетке лежали шесть цветных кривых. В верхней части, до двух-трёх метров, они расходились веером и загибались влево. Ниже сходились почти в одну линию, немного левее нуля, и шли вниз, почти не отклоняясь.

В правом верхнем углу экрана было написано: ВН-1 ... ВН-6.

Рядом стояло время последнего обновления — сорок минут назад.

Зара подошла к монитору, не снимая куртки, и наклонилась к экрану.

Взяла мышь.

Щёлкнула по ВН-3.

Кривая стала толще.

Она приблизила лицо к экрану и медленно водила курсором вниз по линии. В небольшом окошке рядом с курсором

менялись цифры: глубина, температура.

Зара достала блокнот, раскрыла на чистой странице и, не садясь, записала столбик значений.

Щёлкнула по ВН-5.

Записала ещё один столбик.

Валкрейн стоял у двери, прислонившись плечом к косяку.

Зара выпрямилась.

— Красиво, — сказала она негромко, глядя на экран.

— Угол ваш, — сказал Валкрейн и кивнул на брезент. — Двести двадцать там есть, двойная розетка, под брезентом. До скважин отсюда метров сорок. Стол дам, если нужен.

— Нужен. И мне нужен ящик со льдом. Большой, термобокс. Под калибровочную ванну.

— Льда у нас до весны хватит. Термобокс найдём.

— И люди. Мне нужно двое на день. Разложить кабель по скважинам, завести в обсадки, подтянуть к модулю. Одна я это буду делать четыре дня.

Валкрейн не ответил сразу.

Зара повернулась к нему.

Они стояли друг напротив друга.

Гудел системный блок. За стеной, под модулем, поскрипывал снег под чьими-то шагами.

— Людей нет, — сказал Валкрейн. — У меня свайное поле. Рольф после обеда, на час.

— Хорошо. Спасибо.

Зара отвернулась к свободному углу, присела на корточки

и откинула край брезента.

Под ним находилась белая двойная розетка с крышками. Она открыла одну крышку пальцем, закрыла.

Сняла с брезента чужую каску, повертела в руках и положила на стеллаж.

Валкрейн оттолкнулся плечом от косяка.

— Пошли. Остальное покажу.

Переход между модулями был коротким коридором из профилированного листа, утеплённого изнутри.

Под ногами лежали резиновые маты, мокрые, в отпечатках подошв. На них стояли лужи растаявшего снега.

Вдоль стены на крючках висели оранжевые комбинезоны и куртки. Внизу стояли валенки и ботинки.

Под потолком горела лампа в решётчатом колпаке.

Пахло мокрой шерстью, резиной и жареным луком.

В конце перехода находились две двери.

На одной висел кусок малярного скотча с надписью маркером: «СУШИЛКА». Из-под двери тянуло жаром.

Рядом, на стене, был приклеен график дежурств с фамилиями, написанными от руки.

Отдельно висело распечатанное объявление:

«ЗА ПЕРИМЕТР — ТОЛЬКО С РАЦИЕЙ И ЗАПИСЬЮ НА ДОСКЕ».

Валкрейн открыл вторую дверь.

Столовая занимала весь торец модуля.

Три стола были сдвинуты торцами, вдоль них стояли лав-

ки.

В стене находилось окошко раздачи. За ним кто-то в белой майке гремел кастрюлей и подпевал радио.

Возле двери стояли холодильник, кофемашина, большой электрический чайник и стопка перевернутых кружек на полотенце.

На стене висела белая магнитная доска, разлинованная маркером на графы: «КТО», «КУДА», «ВЫШЕЛ», «ВЕРНУСЬ», «РАЦИЯ».

Все графы были пустыми.

Рядом висел термометр с выносным датчиком.

На табло светилось $-34,7$.

За дальним столом сидели двое мужчин с кружками.

Оба подняли головы, когда открылась дверь.

Один сказал:

— О.

Второй поставил кружку на стол.

— Завтрак в семь, обед в час, ужин в семь, — сказал Валкрейн. — Не успели — холодильник. Брать можно всё, кроме подписанного.

Повернулся к окошку.

— Тойво!

В раздаче появилось круглое красное лицо с белыми бровями.

— Это Авель, — сказал Валкрейн. — Она до весны.

Тойво посмотрел на Зару, кивнул.

— Ага.

И исчез.

Зара записывала в блокнот.

Валкрейн дождался, пока она закончит, подошёл к доске и постучал по ней костяшкой пальца.

— Режим. За красные вешки одна не выходите. Вообще. По объекту — сколько хотите. За периметр — только записавшись. Пишете, куда и до сколько. Берёте рацию, рации в сушилке, на зарядке. Позывной — фамилия. Не вернулись к сроку — ищем.

Он повернулся к ней.

— Если ищем зря, за периметр вы больше не выходите. Ни разу.

— Понятно.

— Ветер больше пятнадцати — никто никуда. Даже до лабораторного. Это вам скажет дежурный, на двери будет висеть. Генератор — главное, что тут есть. Если вырубится, все идут в первый модуль, там печка на солярке. Солярку не трогать, она считанная.

— Понятно.

— Связь — спутник. Интернет — для текста. Видео не грузить, звонки только по делу и по расписанию, расписание на доске у сушилки.

Он помолчал.

— Вопросы.

Зара закрыла блокнот.

— Где я живу?

— Второй модуль. Покажу.

Они вышли.

Двое за столом проводили их взглядами.

Тот, который сказал «О», повернулся к соседу и что-то произнёс.

Сосед не ответил.

Второй модуль представлял собой длинный коридор с дверями по обе стороны.

На полу лежал линолеум. Под потолком горели лампы дневного света, одна мигала.

Пахло носками и одеколоном.

На дверях висели таблички. На некоторых фамилии были приклеены скотчем.

У четвёртой двери справа Валкрейн остановился.

Таблички на ней не было.

Дверь стояла открытой, в замке торчал ключ.

— Ваша. Душ в конце коридора, общий. На двери шпингалет. Туалет там же.

Зара заглянула в комнату, не заходя.

— Здесь кто ещё живёт?

— Рольф, Стен, Маттиас, Курт. Ещё двое на вахте до вторника. Я в первом.

— Хорошо.

Зара вынула ключ из замка, повертела в пальцах и положила в карман.

Валкрейн стоял в коридоре, широко расставив ноги, с планшетом под мышкой.

Она оставалась возле двери.

— Ящики вам Стен занесёт, — сказал он. — Куда — скажете сами. В лабораторный или сюда.

— В лабораторный. Все. Кроме синей сумки.

— Скажете Стену.

Валкрейн развернулся и пошёл по коридору к переходу.

Под его шагами поскрипывал линолеум.

Дверь в конце коридора медленно закрылась на доводчике и щёлкнула.

Комната была два с половиной метра на три с половиной.

Кровать вдоль длинной стены. На ней матрас, застеленный серым шерстяным одеялом. Подушка без наволочки. Наволочка и простыня, сложенные квадратом, лежали в ногах.

У окна стоял стол со стулом. Над столом висела полка из ДСП.

На стене у двери — три крючка.

Под окном находился радиатор, выкрашенный белой масляной краской с наплывами.

На подоконнике лежала пыль и мёртвая муха.

Зара вошла.

Сбросила с плеча рюкзак на пол, расстегнула куртку, сняла и повесила на крючок.

Под курткой был серый свитер с высоким горлом, круп-

ной вязки, длинный, почти до середины бёдер. Под ним — тёмные полевые брюки с боковыми карманами.

Она подошла к радиатору и положила на него ладонь.

Отдёрнула.

Положила снова, ненадолго.

Присела и нашла на трубе у пола маленький латунный вентиль с красной пластиковой ручкой.

Повернула.

Ручка шла туго, со скрипом.

Зара повернула её до упора.

Потом подошла к окну.

Окно было двойным.

Она повернула ручку внутренней рамы. Ручка не поддавалась.

Зара взялась за неё двумя руками, упёрлась ногой в радиатор и повернула рывком.

Внутренняя рама открылась с треском. На подоконник посыпалась пыль.

Наружная рама была заклеена по щелям полосками пожелтевшего малярного скотча. Местами скотч уже отошёл.

В верхнем углу находилась форточка с металлическим шпингалетом.

Зара подвинула стул, встала на него коленом, потянулась вверх и отодвинула шпингалет.

Толкнула форточку.

Та не открылась.

Зара толкнула её основанием ладони.

Ещё раз.

На третьем толчке скотч по краю разорвался с сухим треском, и форточка отошла наружу на ширину ладони.

В комнату потянуло холодным воздухом.

Белая струя опускалась от подоконника вдоль радиатора и растекалась по линолеуму.

Зара слезла со стула.

Постояла возле окна, затем села на кровать.

Руки положила на колени, ладонями вниз.

Смотрела на стену напротив, на крючки, на свою куртку, на мокрую полосу снега, которая таяла на линолеуме под её подолом.

В коридоре кто-то прошёл.

Хлопнула дверь.

Зашумела вода.

Потом вода перестала шуметь.

Зара наклонилась и расшнуровала ботинки.

Стянула один, второй. Поставила их рядом у ножки кровати, носками к стене.

Подтянула ноги в толстых шерстяных носках на кровать и прислонилась спиной к стене.

Достала из кармана брюк телефон.

В углу экрана, где должен был находиться индикатор сети, стоял крестик.

Зара подняла голову.

На внутренней стороне двери, на уровне глаз, был приклеен скотчем листок:

«Wi-Fi: SITE-GUEST. Пароль: permafrost2. Только мессенджеры. НЕ грузить видео — Курт».

Она набрала пароль.

На экране закрутился значок подключения.

Потом телефон завибрировал раз, второй, ещё несколько раз подряд.

Зара пролистала уведомления, не открывая их.

Открыла один чат.

Наверху было написано: «Нора».

Пустое поле для сообщения.

Мигающий курсор.

Зара напечатала:

«104».

Сообщение осталось с одной серой галочкой.

Она держала телефон перед собой.

Через некоторое время галочек стало две.

Потом они посинели.

Внизу появились три точки, пропали и появились снова.

Нора: «уже???? ты ж только долетела»

Нора: «кто»

Зара: «Начальник. Прямо у вертолёта. Даже винт не остановился»

Нора: «фанатики?»

Зара: «Фанатики»

Нора: «записала. ян говорит рекорд по скорости»

Нора: «ты как»

Зара держала телефон перед собой.

Большой палец оставался над клавиатурой.

Белая струя от форточки продолжала опускаться к полу.

Из коридора донёсся глухой стук.

— Куда, налево? — крикнул Стен.

Кто-то ответил.

Зара напечатала:

«Нормально. Окно открывается».

Отправила.

Положила телефон экраном вниз на одеяло.

Телефон завибрировал.

Она не перевернула его.

Встала.

Достала из рюкзака вторую пару шерстяных носков и надела поверх первых.

Натянула ботинки, туго зашнуровала двойными узлами.

Сняла с крючка куртку.

Взяла со стола блокнот, сунула во внутренний карман.

Вышла.

Дверь оставила приоткрытой.

К вечеру поднялся ветер.

Дым из трубы генераторной больше не поднимался вверх.

Его сразу клало набок и тянуло к югу, над ангаром.

Жёлтая полоса на юге погасла.

Небо и земля стали тёмно-синими. За пределами освещённой площадки горизонт не различался.

На мачтах горели прожекторы. Под каждым на снегу лежал круг жёлтого света. В этих кругах, низко у наста, текла позёмка — тонкими струями, в одну сторону.

За кругами света виднелись только ближайшие красные вешки.

От ангара к лабораторному модулю двигался небольшой огонёк налобного фонаря.

Под ним шла фигура в тёмно-зелёной куртке с поднятым капюшоном.

Зара наклонилась вперёд против ветра и тянула за собой на верёвке ярко-оранжевые пластиковые волокуши.

На волокушах лежал деревянный барабан с кабелем, привязанный крест-накрест.

Полозья зарывались в снег.

На подъёме к модулю Зара перехватила верёвку двумя руками, повернулась к ветру боком и пошла приставными шагами, ставя ноги поперёк склона.

Ветер трепал капюшон.

Посреди подъёма она остановилась.

Стояла, держа верёвку натянутой. Луч фонаря упирался в снег у её ног.

Потом пошла дальше.

У ступенек лабораторного модуля Зара отпустила верёвку, поднялась и вошла.

Дверь закрылась.

В окне, выходявшем на скважины, горел свет.

Через несколько минут дверь открылась снова.

Зара спустилась по ступенькам, теперь без барабана, с катушкой кабеля поменьше на плече.

Пошла по тропе к шести вешкам.

Фонарь качался в такт шагам.

У первого кожуха она опустилась на колени.

В столовой было шумно и жарко.

За тремя столами сидели девять человек.

Звенели ложки. Кто-то смеялся, кто-то спорил о футболе, повышая голос.

На кухне шумела вода, гремели противни.

Окна снизу запотели примерно на треть.

Пахло мясом, жареным луком и мокрыми куртками, сохнувшими у входа.

Валкрейн сидел один в торце дальнего стола, спиной к стене.

Перед ним стояла глубокая тарелка с тушёным мясом и картошкой. Рядом — кружка чёрного кофе и пачка листов, сколотая скрепкой.

Он ел быстро, низко наклонившись к тарелке.

Правой рукой держал ложку, левой переворачивал листы.

Иногда возвращался к предыдущей странице, просматривал её ещё раз и переворачивал обратно.

Один раз достал из нагрудного кармана ручку и подчерк-

нул строку.

Рольф сел напротив со своей тарелкой.

Лавка под ним скрипнула.

Он взял хлеб, разломил пополам.

— Кабель потащила, — сказал Рольф. — Сама. Там барабан кило шестьдесят.

Валкрейн перевернул лист.

— Я тебе дал час.

— Я ей и помог. Час. Мы с ней две скважины завели. Она потом говорит: спасибо, дальше сама. Я говорю, там же ещё четыре. Она говорит: я знаю.

Рольф откусил хлеб.

— Ну я пошёл.

Валкрейн положил ложку в тарелку.

Повернул голову к окну.

Окно находилось у его плеча.

В нижней, запотевшей части стекла ничего не было видно. В верхней отражалась столовая: лампы, столы, затылки людей, его собственное лицо.

Сквозь отражение был виден освещённый прожектором угол ангара, позёмка в жёлтом круге света.

Дальше, в темноте, у самой земли, горела маленькая светлая точка.

Точка стояла на месте.

Потом сдвинулась вправо на небольшое расстояние.

Снова остановилась.

Валкрейн смотрел в окно.

Взял кружку, отпил кофе.

Поставил её обратно в мокрый круг на столе.

— На доске записалась?

Рольф обернулся к доске у двери, прищурился.

— «Авель. Скважины один — шесть. До двадцати одного.

Рация —

да».

Он повернулся обратно.

— Записалась.

Валкрейн снова взял ложку.

Ел, переворачивая листы.

Рольф тоже ел.

Через стол кто-то крикнул Тойво, чтобы тот сделал радио погромче.

Из кухни донёсся короткий ответ.

За соседним столом засмеялись.

Точка за окном погасла.

Потом появилась снова, немного дальше и левее, у следующей скважины.

Валкрейн доел.

Собрал хлебом остатки подливы с тарелки, съел.

Допил кофе в три глотка.

Сложил листы, подровнял края, постучав торцом по столу, и убрал во внутренний карман куртки, висевшей рядом на спинке лавки.

Встал.

Взял тарелку и кружку, отнёс к окошку раздачи, поставил на стойку.

— Спасибо, Тойво.

— Ага.

У двери Валкрейн снял с крючка куртку, надел её и застегнул молнию до подбородка.

Посмотрел на доску.

Постоял перед ней.

В графе «КТО» была одна строчка, написанная синим маркером, мелким ровным почерком.

Он надел шапку и вышел в переход.

Дверь закрылась за ним на доводчике.

Через окно столовой было видно, как Валкрейн прошёл в свете прожектора мимо угла ангара — тёмная фигура, наклонённая против ветра, — и свернул к первому модулю.

В той же раме окна, ниже и дальше, светлая точка у скважин стояла неподвижно.

Б

Глава Б

Ветер не стихал. Он шёл с севера ровно, без порывов. На открытых местах снег двигался по насту сплошным низким слоем, на высоте ладони. Шуршал о сваи, колёса техники, гофрированные стенки модулей. За каждой сваей на свайном поле намело по узкому сугробу, вытянутому к югу. Прожекторы на мачтах слегка покачивались. Круги света на снегу

сместились вместе с ними.

Над переходом между вторым модулем и столовой горела лампа в решётчатом колпаке. Под ней, с наружной стороны двери, на ступеньке лежал косой гребень снега.

В 2052 из-за угла ангара показался огонёк налобного фонаря. Он двигался медленно: несколько шагов, остановка, ещё несколько

шагов.

Когда фигура вошла в свет прожектора, стало видно, что волокуш за ней нет.

Зара шла, сунув руки в карманы и опустив голову. Капюшон был стянут шнурком так, что из меховой опушки выступали только нос и налобный фонарь.

Она поднялась по ступенькам, сбила ботинком снег с верхней, открыла дверь и вошла.

В переходе было тепло. От куртки пошёл пар. Иней на меховой опушке потемнел, собрался каплями.

Зара расстегнула ворот, ослабила шнурок и откинула капюшон.

Лицо было красным, на скулах оставались белые пятна.

Она постояла у двери около полуминуты. Потом зубами стянула одну варежку, за ней вторую и посмотрела на руки.

Пальцы побелели до вторых фаланг.

Зара сжала кулаки, разжала, повторила несколько раз. Затем просунула ладони под свитер, к подмышкам, и стояла так, переступая с ноги на ногу.

Через некоторое время вынула руки и открыла сушилку.

Комната была узкая, с решётчатыми полками вдоль стен. На полу стояли три электрических калорифера. Они гудели, от них пахло горячей пылью.

На полках лежали варежки, носки, стельки. Над ними висели комбинезоны.

У двери на стене тянулся ряд зарядных гнёзд. Почти в каждом стояла рация с зелёным индикатором. Одно гнездо было пустым. Под ним на полоске скотча значилось «7».

Зара достала рацию из нагрудного кармана, повернула к свету, сверила номер на корпусе и вставила в гнездо.

Загорелся красный индикатор.

Варежки она положила на полку над калорифером, ладонями вниз.

В столовой никого не было.

Половина ламп не горела. Столы были протёрты, лавки задвинуты. На стойке раздачи стояли перевёрнутые кружки.

Из кухни через окошко падал желтоватый свет. В тишине было слышно тиканье часов.

На кофемашине у двери светился синий индикатор.

Зара подошла к доске.

Нашла свою запись:

«Авель. Скважины 1–6. До 2100. Рация — да».

В свободном месте той же строки дописала: «вернулась 2053».

Закрыла маркер колпачком и положила в лоток.

На стойке раздачи, сбоку от кружек, стояла тарелка, накрытая другой тарелкой.

На верхней была приклеена полоска малярного скотча. Размашистыми буквами на ней написали:

«АВЕЛЬ».

Зара подняла верхнюю тарелку.

Внизу лежали мясо с картошкой и два куска чёрного хлеба. Подлива по краю застыла светлой плёнкой.

Она посмотрела в окошко раздачи. На кухне никого не было.

Поставила тарелку в микроволновку под кофемашиной, нажала кнопку.

Пока микроволновка гудела, налила в кружку кипяток, достала из жестяной банки пакетик чая и опустила его в воду.

Взяла кружку обеими руками и прижала к груди.

Зара устроилась за ближним столом, села боком и вытянула ноги в проход.

Ела быстро. Остатки подливы собрала хлебом.

Потом отнесла тарелку на кухню через незапертую боковую дверь, вымыла в мойке, вытерла полотенцем с крючка и поставила на сушилку к остальной посуде.

Полоску скотча с надписью отклеила с верхней тарелки, скатала в шарик и сунула в карман.

Перед выходом посмотрела на термометр возле доски.

На табло было $-37,2$.

Будильник зазвонил в половине седьмого.

В комнате было холодно.

На внутренней стороне двойной оконной рамы по краям вырос белый иней. На подоконнике под форточкой лежал тонкий слой снега, надутого за ночь через щель.

Радиатор под окном был тёплым. Над кроватью при каждом выдохе появлялся слабый пар.

Телефон лежал на полу возле кровати, вибрировал и понемногу сдвигался по линолеуму.

На кровати под одеялом, натянутым до самой головы, никто не

шевелился.

Потом из-под одеяла высунулась рука. Нащупала телефон, несколько раз коснулась экрана.

Будильник замолчал.

Рука осталась на полу, ладонью вверх, рядом с телефоном.

Прошло четыре минуты.

В коридоре хлопнула дверь. Кто-то прошёл в сторону душа. Зашумела вода.

Мужчина за стеной долго кашлял, с отхаркиванием.

Рука втянулась под одеяло.

Ещё через несколько минут Зара села.

Одеяло она натянула на плечи и сидела под ним, сгорбившись, с закрытыми глазами.

Волосы, распущенные на ночь, лежали на лице и плечах.

Шум воды в коридоре прекратился.

Зара открыла глаза.

Посмотрела на окно, на снег на подоконнике. Поднялась на одно колено, потянулась к форточке и закрыла её.

На завтрак она пришла в семь двадцать.

В столовой оставались двое.

Курт, худой, лысеющий, в очках, сидел с ноутбуком и кружкой. Маттиас доедал кашу, держа перед собой телефон.

За окошком раздачи Тойво мыл кастрюлю.

— Каша есть ещё, — сказал он, не оборачиваясь. — Яйца кончились. Вчерашние разбились, пол-коробки.

Маттиас поднял голову от телефона.

— Не я.

— Я не говорил, что ты.

Зара взяла кашу и чай. Села за стол напротив Курта, через одно место.

Курт посмотрел на неё поверх очков, кивнул и вернулся к ноутбуку.

— Это вы термокосты снимаете? — спросила Зара.

— Я.

— У вас лог с сентября по всем шести?

— По всем шести. С двенадцатого сентября. Пропуск на третьей — четыре дня в октябре, генератор вставал.

— Можно мне его?

Курт снова посмотрел поверх очков.

Несколько секунд он молчал.

— Шеф сказал, вам смотреть можно. Про «дать» он не говорил.

— Смотреть мне можно у вас на компьютере. Мне неудобно у вас на компьютере. Я вам буду мешать.

Курт снял очки, протёр одно стекло краем свитера и надел обратно.

— Я у него спрошу.

— Спасибо.

Кашу Зара ела не спеша.

Курт печатал.

Маттиас встал, отнёс тарелку. Проходя мимо Зары, сказал:

— Доброе утро, Балтазар.

И вышел, не дожидаясь ответа.

Зара закрыла глаза на секунду, открыла и продолжила есть.

Она доела, отнесла тарелку и вымыла после себя.

На доске у двери появилась новая запись:

«Валкрейн, Рольф, Стен. Свайное поле. До 1300. Рация — да».

Буквы были крупными, прямыми, с сильным нажимом.

В восемь часов над объектом оставалось тёмно-синее небо.

В девять на юге у горизонта появилась серая полоса.

Ветер ослаб. Позёмка больше не двигалась. Дым генераторной поднимался почти вертикально: плотный белый столб возле трубы, выше — всё более прозрачный.

На свайном поле работали при прожекторах.

Жёлтая буровая установка стояла в конце незаконченного ряда. Мачта была поднята. Шнек вращался в скважине и выносил наверх серо-бурые смёрзшиеся куски грунта. Они сыпались вокруг устья, стучали друг о друга и быстро покрывались инеем.

Двигатель буровой ревел. Иногда звук становился ниже, обороты падали, из выхлопной трубы вырывался чёрный дым.

В кабине сидел Стен.

Рольф стоял снаружи, возле устья, с ломом. Когда шнек поднимался, он сбивал с витков налипший грунт.

Рядом с ним, на коленях, без варежек, находился Валкрейн.

На нём был оранжевый комбинезон, застёгнутый до горла.

Он держал рулетку, лента которой уходила в скважину. Посмотрел вниз, потом на отметку. Поднял руку, показал Стену три пальца и сжал кулак.

Двигатель стих.

Валкрейн вытащил рулетку, свернул, убрал в карман комбинезона. Достал из-под мышки варежки, надел их и поднялся с колен.

Отряхнул снег.

— Восемь сорок, — сказал он. — На полметра больше, чем по проекту. Там лёд.

— Прослойка? — Рольф опёрся на лом.

— Не знаю. Курту скажи, пусть в журнал запишет: девят-

надцатая, линза на шести с половиной, полметра.

— Сам скажи. Я в журнал не лезу.

— Я сказал, ты скажи.

Рольф махнул рукой.

От лабораторного модуля к свайному полю шла Зара.

Валкрейн стоял к ней спиной. Когда Рольф посмотрел ему за плечо, он повернулся.

Зара подошла и остановилась в двух шагах, у края выбуренного грунта.

Посмотрела в скважину.

Потом на куски, лежавшие вокруг устья. Присела и подняла один — серо-бурый, с прозрачной прожилкой посередине.

Повернула его к прожектору.

— Это откуда?

— С шести с половиной.

Зара повертела кусок, поскребла прожилку ногтем через варежку.

Положила обратно.

Поднялась.

— Спасибо за стол и термобокс.

Валкрейн стоял напротив.

Зара продолжила:

— Мне нужен второй человек на четвёртую, пятую и шестую. Там открыто, ветер. Варить волокно на ветру одной нельзя. Нужно, чтобы кто-то держал тент.

— Нет.

— Тогда тепляк.

Она показала на утеплённую будку на полозьях, стоявшую у первого ряда свай. Из трубы выходил пар.

— На два часа.

— Он на свае. Мы прогреваем.

— После обеда?

— Завтра.

— Завтра утром?

— Завтра.

Зара выдохнула и кивнула.

— Хорошо. Спасибо.

Она развернулась и пошла обратно по тропе.

Руки держала в карманах. У лабораторного модуля прошла мимо ступенек и свернула за угол, к сложенным деревянным ящикам из-под оборудования.

Рольф проводил её взглядом.

Потом повернулся к Валкрейну.

— Чего, дать ей тепляк-то? Тридцать девятая постоит.

— Стен! Двадцатая!

Двигатель буровой взревел.

Мачта медленно опустилась на корпус. Гусеницы лязгнули, машина сдвинулась к следующей вешке.

В лабораторном модуле, в углу у двери, стоял складной стол с алюминиевыми ножками и фанерной столешницей.

На фанере были выжжены чьи-то инициалы и дата.

Под столом находился белый пластиковый термобокс на сто литров, с крышкой на защёлках. Рядом лежал новый удлинитель на четыре гнезда, с картонной биркой на проводе.

Накануне вечером этих вещей в углу не было.

Теперь на столе стоял серо-синий прибор размером с небольшой чемодан. По бокам — ручки, на передней панели — ряд разъёмов под резиновыми колпачками и маленький монохромный дисплей.

Рядом стоял ноутбук в толстом прорезиненном корпусе.

Оба прибора были включены. Вентилятор серо-синего блока издавал ровный высокий свист.

На полу вокруг стола лежали открытые кейсы.

На их крышках были разложены катушки, пакеты с мелкими деталями, ярко-жёлтый сварочный аппарат для оптоволокна, скалыватель, стриппер, флакон спирта, пачка безворсовых салфеток.

Между предметами оставались свободные промежутки.

Курт сидел у окна за своим компьютером, спиной к углу Зары.

Под столом урчал системный блок.

Дверь открылась.

Зара вошла с охапкой досок.

Это были стенки разобранного деревянного ящика: четыре доски, сбитые попарно, с торчащими гвоздями.

Она сложила их у двери.

Сняла куртку, повесила на крючок. Каска, висевшая там накануне, теперь лежала под ним на полу.

Зара сняла свитер.

Под ним была тёмная термофутболка с длинными рукавами. Она закатала их до локтей.

Курт обернулся на стук досок.

— Нахрена это?

— Ветровая стенка. Буду варить на четвёртой.

Курт посмотрел на доски, потом на неё.

Перевёл взгляд на окно. За стеклом виднелась четвёртая вешка, ближе к открытой тундре, чем остальные.

— Одна?

— Угу.

Курт повернулся к монитору.

— Он сказал — давать, — произнёс он, не оборачиваясь.

— Что простите?

— Лог. Сказал, давать. Я вам скинул в общую папку, «термо_сент_окт». Там всё, сырые и обработанные.

Зара стояла посреди комнаты с молотком в руке. Молоток она только что достала из кейса.

— Спасибо.

— Это не мне.

Зара положила молоток на стол.

Села, открыла на ноутбуке общую папку и нашла файл.

На экране развернулась таблица: даты, время, глубины, температуры, четыре знака после запятой.

Она прокрутила строки вниз, затем вверх.

Открыла второй лист.

Наклонилась ближе к экрану.

Через некоторое время выпрямилась и подошла к термобоксу.

Калибровочная ванна была наполнена колотым льдом и водой.

Лёд Зара принесла с кухни в двух пластиковых вёдрах, которые дал Тойво.

Тойво пришёл вместе с ней, неся одно ведро. Поставил его на пол возле термобокса и остался стоять, сложив руки на животе.

Зара высыпала лёд, долила холодную воду из чайника, набранную из-под крана, и перемешала деревянной лопаткой.

— На кой лёд? — спросил Тойво.

— Ноль.

— Чего?

— Лёд с водой — ровно ноль. Всегда. Если хорошо перемешать. Я по нему прибор проверяю. Что он показывает ноль, когда ноль.

Тойво посмотрел на ванну.

— А если не показывает?

— Тогда я его поправляю.

Тойво кивнул.

Постоял ещё.

— Лопатку отдадите потом. Это для теста.

— Отдам конечно. Не переживайте.

Зара опустила в ванну несколько свободных витков тонкого жёлтого оптоволоконного кабеля.

Прижала их ко дну грузом, обмотанным изолентой.

Рядом опустила стальной щуп эталонного термометра. От щупа провод шёл к маленькому серому блоку с цифровым табло.

На табло сменялись значения:

0,02.

0,01.

0,01.

0,00.

Зара закрыла крышку термобокса, оставив в щели два кабеля, и подоткнула щель полотенцем.

Тойво ушёл.

Курт продолжал печатать.

Зара села к ноутбуку.

На экране был график. По горизонтали — расстояние по волокну в метрах, по вертикали — температура.

Линия шла неровно, мелкими зубцами. В одном месте, на отрезке длиной несколько метров, она резко опускалась и дальше проходила почти горизонтально, с небольшими колебаниями.

Зара навела курсор на этот участок.

Возле него появились цифры.

Она посмотрела на табло термометра.

Потом снова на экран.

Открыла другое окно, ввела значения в два поля и нажала «применить».

Горизонтальный участок линии сместился вверх и лёг на нулевую отметку.

Зара откинулась на спинку стула.

— Вот, — произнесла она негромко.

Курт перестал печатать и обернулся.

— Что?

— Ничего. Извините.

Курт вернулся к работе.

К часу дня небо на юге стало розовым, почти белым возле горизонта.

Над краем земли показалась узкая красная кромка солнца. Её верхний край дрожал, меняя очертания.

По снегу протянулись длинные синие тени от вешек, свай и кожухов скважин.

Иней на трубах термостабилизаторов вдоль модулей приобрёл розовый оттенок.

Через двадцать минут красная кромка исчезла.

Тени стали бледнее, затем слились с серым снегом.

У четвёртой скважины стояла ветровая стенка.

Доски разобранного ящика были сбиты в букву «Г». Стенка находилась с северной стороны кожуха. Две другие доски подпирали её под углом, упираясь в наст.

Нижний край был присыпан снегом и утоптан.

За стенкой лежал кусок брезента.

На нём, на коленях, стояла Зара.

Кожух скважины был открыт. Из обсадной трубы выходил конец жёлтого кабеля.

На перевёрнутом пластиковом кейсе стоял сварочный аппарат со светящимся экраном.

Над аппаратом на двух лыжных палках был натянут второй кусок брезента, поменьше. Шнур крепил его к стенке.

Зара сидела, низко наклонившись над аппаратом. Меховая опушка капюшона почти касалась экрана.

Варежки лежали рядом, придавленные камнем.

На руках были тонкие чёрные перчатки.

Она взяла стриппер, сняла с конца волокна оболочку.

Провела по нему безворсовой салфеткой со спиртом, одним движением от себя.

Уложила волокно в канавку скалывателя.

Закрыла крышку.

Щёлкнул механизм.

Зара открыла скалыватель, вынула волокно и уложила в зажим сварочного аппарата.

Повторила те же действия со вторым концом.

Закрыла крышку аппарата.

Нажала кнопку.

На экране появились два светящихся волокна, увеличенных так, что были видны их торцы.

Торцы сблизились.

Между ними вспыхнула короткая белая дуга.

Две линии соединились в одну.

Под изображением появились цифры.

Зара наклонилась к экрану.

Потом сняла одну перчатку и сунула руку под куртку, к подмышке.

Пока аппарат нагревал защитную гильзу на месте сварки, она шевелила губами.

Аппарат пискнул.

Зара вынула руку, надела перчатку, открыла крышку и достала сваренное волокно.

Брезент над аппаратом резко дёрнулся.

Шнур с одной стороны развязался.

Полотно сорвалось с палок и полетело по насту, громко хлопая.

Зара вскочила.

— Черт. Черт. Не улетай далеко.

Брезент уже удалялся от скважины.

— Блядь.

Она наклонилась над аппаратом, накрыла его собой, прижав руки к боковым стенкам кейса.

Полотно пролетело около тридцати метров, зацепилось за пятую вешку и осталось там, хлопая на ветру.

Зара продолжала стоять, согнувшись над аппаратом.

Когда ветер ослаб, она выпрямилась.

Открыла крышку, осмотрела внутреннюю часть аппарата

и

закрыла снова.

После этого пошла за брезентом.

Из окна лабораторного модуля за ней наблюдал Курт.

Он стоял у стекла с кружкой.

Когда Зара направилась к пятой вешке, Курт отошёл от окна и сел за стол.

Первый жилой модуль был короче остальных.

В коридор выходили шесть дверей. Одна, в самом торце, вела в комнату, совмещавшую кабинет и спальню.

Вдоль стены стояла койка, застеленная тёмно-синим одеялом. Края одеяла были подвернуты под матрас.

У противоположной стены находился стол.

На нём стояли ноутбук и спутниковый телефон в зарядной подставке — крупный, с толстой антенной. Рядом лежала стопка папок, выровненная по краю столешницы.

Стул был один.

На стене висела крупная карта объекта, распечатанная на нескольких листах и склеенная скотчем.

На ней были обозначены свайное поле с номерами, модули и шесть скважин.

Часть номеров свай перечёркнута красным маркером.

На полке над столом стояли жестяная банка с сахаром, кружка и пачка кофе.

Окно было закрыто наглухо.

Радиатор под ним нагревал комнату.

Валкрейн сидел за столом, откинувшись на спинку стула и вытянув ноги под стол.

У уха он держал спутниковый телефон.

— ...по девятнадцатой ещё полметра.

Он провёл рукой по волосам.

— Лёд на шести с половиной. Линза или прослойка, хуй знает.

Из трубки донёсся мужской голос, низкий, с более мягкими окончаниями слов.

Ответ пришёл с задержкой. Последние слова собеседника наложились на начало следующей реплики Валкрейна.

— Нет. На девятнадцатой. Двадцатая нормальная.

Он слушал.

— Я сказал, будут ему температуры. В марте будет акт, с температурами. И не хрена мне мозг ебать.

В трубке засмеялись. Прозвучала короткая фраза.

— Скажи, я сказал, — повторил Валкрейн. — Ему хватит.

Он слушал.

Взял со стола ручку, покрутил между пальцами.

— Приехал, — сказал он. — Приехала.

После паузы голос в трубке прозвучал громче.

— ...приехала?

— Балтазар оказался бабой.

Из трубки раздался громкий продолжительный смех.

Валкрейн отодвинул телефон от уха и держал на расстоянии нескольких сантиметров, пока смех не прекратился.

Левый угол его рта приподнялся.

Он снова приложил телефон к уху.

— Задница заебись.

Послушал ответ.

— Кабель таскает. Варит на четвёртой.

Собеседник что-то коротко спросил.

— Потому что я не дал.

Ещё вопрос.

— Не хочу.

Валкрейн бросил ручку на стол.

— У меня свайное поле, Эмиль, а не дом благородных девиц.

Голос в трубке прозвучал ещё раз, недолго.

— Да.

Валкрейн сел ровнее, убрал ноги из-под стола.

— Да. Передай. Всё, до связи.

Он нажал кнопку завершения вызова и поставил телефон в зарядную подставку.

Некоторое время сидел, глядя на карту.

Потом встал.

Взял с полки кружку, насыпал три ложки сахара из жестяной банки, добавил кофе.

Залил кипятком из чайника, стоявшего на полу возле радиатора.

Размешал.

Выпил стоя, в несколько глотков.

Поставил кружку на стол, надел куртку и вышел.

В лабораторном модуле горел свет.

Курта не было.

Его стул стоял задвинутым под стол. Монитор был погашен. На клавиатуре лежала перевернутая кружка.

Зара сидела за своим складным столом в углу, в свитере, поджав под себя одну ногу.

Перед ней стоял ноутбук.

Рядом лежал раскрытый блокнот, исписанный карандашом.

На краю стола находились кружка с остатками чая и надкусанная плитка шоколада в развёрнутой фольге.

Прибор тихо свистел вентилятором.

Калибровочная ванна стояла на полу, закрытая крышкой. В щель под крышкой было подоткнуто полотенце.

На экране ноутбука отображались две кривые на одной сетке.

По вертикали вниз шла глубина, по горизонтали вправо — температура.

Синяя кривая состояла из точек, соединённых ровными отрезками, с интервалом по глубине в метр.

Красная проходила почти рядом с ней. Линия была сплошной, с мелкими колебаниями.

Между двумя и тремя метрами красная кривая на коротком участке отклонялась вправо острым выступом и возвращалась к синей.

Синяя линия соединяла две соседние точки почти прямо.
Дверь открылась.

Вместе с Валкрейном в помещение ворвался холодный воздух, потянуло по полу.

Он закрыл дверь.

Зара обернулась.

Посмотрела на него, улыбнулась.

— Добрый вечер.

Валкрейн не ответил.

Снял шапку, сунул в карман.

Подошёл к столу и остановился справа, за спинкой её стула.

Наклонил голову к экрану.

Его бедро оказалось рядом с локтем Зары. Она немного сдвинула руку.

— Это что? — спросил он.

— Третья. Синяя — ваша коса, сегодняшний срез, пятнадцать ноль-ноль. Красная — моя, за тот же час, усреднённая.

— Третью вчера завели.

Зара подняла на него глаза.

Потом посмотрела на экран.

— Вчера одну и три. Сегодня — четыре. Две и пять — завтра. Шесть — когда будет тепляк.

Валкрейн наклонился ниже.

Опёрся ладонью о стол рядом с ноутбуком.

Рука была без перчатки. На костяшках проходила старая

неровная белая полоса шрама.

— Вот это.

Он указал пальцем на выступ красной кривой, не касаясь экрана.

— Два двадцать пять — два семьдесят пять. Плюс ноль три против ваших.

— Калибровка?

— Утром. Ванна, ноль. Вон стоит.

Зара кивнула на термобокс.

— В ванне он ноль-ноль-один. Это не прибор.

— Кабель где лежит в обсадке? По центру? У стенки?

— У стенки. Как ваша коса. Рядом с ней.

— Тогда стенка греет.

— Тогда она грела бы и вашу косу. А у вас датчики на двух и на трёх. Между ними ничего нет.

Валкрейн смотрел на экран.

Потом взял мышь. Зара убрала руку.

Он навёл курсор на выступ красной линии и медленно пошёл сверху вниз.

В маленьком окошке рядом с курсором менялись цифры глубины и температуры.

Он довёл курсор до трёх метров.

Остановился.

Вернул вверх.

Ещё раз провёл вниз.

Зара сидела рядом. Её взгляд переместился с экрана на

его руку.

— Сколько у тебя на других? — спросил он.

— На первой и четвёртой — ничего. Так же, как у вас.

— Третья ближе всех к полю.

— Ближе всех к девятнадцатой, — сказала она.

Валкрейн поднял голову и посмотрел на неё.

Зара тоже повернула к нему лицо.

Ей приходилось смотреть вверх.

— Ты знаешь про девятнадцатую.

— Я там стояла утром. Кусок со льдом брала в руки.

Шесть с половиной метров.

— Это шесть с половиной. А у тебя два с половиной.

— Я знаю. Я же не говорю, что это одно и то же. Просто третья ближе всех к девятнадцатой.

Валкрейн выпрямился.

Отпустил мышь.

Постоял возле стола, глядя на экран сверху.

Потом сунул руки в карманы куртки.

— Завтра перепроверишь.

— Хорошо. Завтра перепроверю. И послезавтра тоже.

— Перепроверишь — покажешь.

— Конечно.

Он кивнул.

Отвернулся и пошёл к двери.

У двери вынул шапку из кармана, надел одним движением и взялся за ручку.

— Тепляк будет у шестой в восемь, — сказал он, не обращиваясь. — До двенадцати. В двенадцать его заберут.

— Хорошо. Спасибо большое.

Валкрейн открыл дверь.

Холодный воздух прошёл по комнате.

Он вышел.

Дверь закрылась.

Зара осталась за столом, вздохнула.

— Значит не полный гандон. Тепляк пожертвовал.

Посмотрела на дверь, потом на экран.

Взяла шоколад, отломил кусок и положила в рот.

Пододвинула блокнот.

Взяла карандаш и написала внизу страницы:

«ВН-3, 2,25–2,75. +0,03. Проверить 2х. Показать».

Последнее слово подчеркнула.

В нижнем углу экрана рядом с часами было 2147.

В восемь утра над объектом стояла темнота.

Прожекторы ещё горели. За освещённой площадкой тундра сливалась с небом. На горизонте не было ни серой, ни розовой полосы.

У шестой скважины, самой дальней, на краю круга вешек, стоял тепляк на полозьях.

Внутри работал двигатель.

Из гофрированной трубы в стенке выходил пар и стелился над настом.

Следы гусениц вездехода, доставившего тепляк, вели об-

ратно к ангару. По краям следов лежали свежие комья снега, ещё без инея.

В маленьком окне тепляка горел свет.

Рядом никого не было.

В

Глава В

Суббота

К девяти вечера в комнате отдыха собрались одиннадцать человек.

За окнами шёл снег. Мелкий, сухой, он бился о стёкла, собирался в нижних углах рам и исчезал в темноте за отражениями ламп. Над дверью тихо гудел вентиляционный блок. Время от времени он менял обороты, и тогда по потолку проходила короткая вибрация.

В комнате стояли два дивана, четыре разномастных кресла, длинный стол и несколько маленьких столиков. У дальней стены висел телевизор. Рядом с ним — полка с книгами, коробками настольных игр и стопкой журналов, у которых загибались обложки. На тумбе под телевизором лежали два пульта, зарядные провода и чьи-то очки.

В углу были чайник, кофеварка и небольшой холодильник. Над ними висел листок с надписью «ПОСЛЕДНИЙ ВЗЯЛ — ЗАКАЖИ». Под листком стояла пустая банка растворимого кофе.

На телевизоре шла передача о восстановлении старого автомобиля. Маттиас смотрел её с дивана, вытянув ноги. Ря-

дом сидел Рольф с телефоном. У окна Стен разговаривал по видеосвязи, держа экран чуть ниже лица.

— Нет, я вижу. Поверни ещё раз.

Он прищурился.

— Не туда, Лена. В другую сторону.

На экране мелькнули потолок, люстра, кусок стены и наконец детский рисунок, прикреплённый к холодильнику магнитом.

— Вот. Теперь вижу.

Стен улыбнулся.

— Это я?

Из телефона донёсся тонкий голос.

— Да!

— А почему у меня четыре руки?

Девочка что-то объяснила. Стен кивнул.

— А-а. Ну тогда понятно.

На другом конце комнаты Курт сидел за столом, разложив перед собой наручные часы, ремешок и маленькую коробку с инструментами. Йонас наблюдал, как он поддевает тонкой отвёрткой металлический штифт.

— Ты их уже третий вечер чинишь, — сказал Йонас.

— Потому что третий вечер мне мешают.

— Кто?

— Все.

Йонас отпил кофе.

— Могу уйти.

— Сиди, уже.

Курт подцепил штифт пинцетом и положил на белую салфетку.

— Вот. Заебись. Теперь не потеряется.

— Ты вчера то же самое говорил.

— Вчера был другой штифт.

У двери двое буровиков обсуждали, чей черёд завтра проверять оборудование. Один, Хенрик, стоял в носках, прислонившись плечом к стене. Второй, Оскар, сидел на подлокотнике кресла и листал что-то в телефоне.

— Я в шесть встану, — сказал Оскар.

— Нахуя тебе в шесть?

— Не спится дольше.

— Тогда иди вместо меня.

— Я не сказал, что хочу работать.

— А я не сказал, что мне интересно.

Оскар усмехнулся.

— После завтрака схожу. Тогда ты к обеду подменишь.

— По рукам.

Они пожали друг другу руки, не отрываясь от разговора.

Дверь открылась.

Зара вошла с книгой и кружкой. На ней были мягкие тёмные брюки, толстые шерстяные носки и свободный свитер.

— Добрый вечер.

— Привет, Зара, — ответил Йонас.

— Вечер, — сказал Курт.

Маттиас поднял руку с дивана.

Зара прошла к чайнику. Проверила воду, включила его и открыла коробку с пакетиками чая.

— Ты поздно сегодня, — сказал Йонас.

— Я после ужина уснула.

— Надолго?

— Минут на сорок. Потом проснулась и решила, что спать до утра всё равно не получится.

— У меня жена так же, — сказал он. — Если вечером ляжет, потом до двух ночи по дому ходит.

— Я надеюсь до двух не ходить.

— Тут ходить особо негде.

Зара улыбнулась.

— Это точно.

Чайник щёлкнул. Она налила воду, взяла кружку и направилась к свободному креслу возле торшера.

— Там лампа нормально светит? — спросил Курт.

— Да, спасибо.

Она устроилась в кресле, подложив под спину небольшую подушку, раскрыла книгу и нашла место, отмеченное бумажной закладкой.

На диване Рольф повернул телефон к Маттиасу.

— Смотри.

Маттиас наклонился.

— Это когда?

— Сегодня прислали.

На экране была фотография небольшого дома с тёмной крышей. Перед ним стояли двое детей в ярких куртках и женщина с собакой на поводке.

— Твои? — спросил Маттиас.

— Нет, блядь, случайные люди у меня во дворе.

— Я про собаку.

— Собака соседская.

— А. Я думал, завели.

— Не хватало ещё.

Рольф увеличил фотографию.

— Младший опять без шапки.

— На нём капюшон.

— У него под капюшоном шапка должна быть.

— Ты жене это сказал?

— Сказал.

— И?

— Сказала, чтобы я сначала сам научился одеваться.

Маттиас рассмеялся.

— Правильно сказала.

Рольф убрал телефон.

— Я ей объясняю: у нас тут минус тридцать, я знаю, как одеваться.

— А у вас дома сколько?

— Минус четыре.

— Ну вот. У ребёнка другие условия.

— Ты сейчас на чьей стороне?

— На стороне ребёнка.

Рольф хмыкнул и снова открыл фотографию.

Зара подняла глаза от книги.

— А сколько вашим детям?

— Девять и шесть, — ответил Рольф. — Старшая в третьем классе. Младший осенью в школу пойдёт.

— Они вас ждут?

— Конечно. Младший каждый раз спрашивает, сколько ночей осталось.

— Вы считаете?

— Жена считает. Я ему даты говорю, а он всё равно ночи спрашивает.

Рольф провёл пальцем по экрану.

— В прошлую смену приехал, а он за месяц сантиметра на четыре вырос. Я ему ботинки покупал перед отъездом. Приехал — маленькие.

— Четыре сантиметра за месяц? — спросил Маттиас.

— Я его, блядь, не измерял перед посадкой в вертолёт. На глаз говорю.

Зара улыбнулась.

— У моей подруги двойняшки. Тоже быстро растут. Недавно она прислала фотографию, я сначала не узнала, кто из них кто.

— Двойняшки? — спросил Рольф.

— Да.

— Одинаковые?

— Нет, мальчик и девочка.

— Тогда как ты их перепутала?

— Не между собой. С их же фотографиями полугодовой давности.

Маттиас повернулся к ней.

— А, теперь понятно.

— Спасибо, что разобрались.

Рольф рассмеялся.

Зара вернулась к книге.

Через некоторое время Стен закончил разговор.

Он ещё несколько секунд смотрел на погасший экран, затем убрал телефон в карман и подошёл к чайнику.

— У кого кофе есть?

— У Маттиаса, — ответил Рольф.

— У меня нет, — сказал Маттиас.

— Ты вчера целую банку принёс.

— В комнате оставил.

— Сходи.

— Сам и пиздуй.

Стен открыл шкафчик, нашёл пачку молотого кофе и начал

заправлять кофеварку.

— У меня дочь сегодня первый раз на коньках стояла, — сказал он.

— И как? — спросил Йонас.

— Пять минут стояла. Потом села на лёд и сказала, что

больше не хочет.

— Разумно.

— А Лена ей коньки купила за сто сорок евро.

Маттиас присвистнул.

— Детские?

— Детские.

— Они же через год малы будут.

— А то, блядь. Разве ей объяснишь.

Стен включил кофеварку.

— Она говорит, зато хорошие. Я спрашиваю: хорошие для чего, если ребёнок в них сидит?

Рольф засмеялся.

— Продашь потом.

— Кому?

— Следующему идиоту, который ребёнку коньки за сто сорок евро покупает.

Стен повернулся.

— Ты купишь?

— Пошёл ты.

У окна Оскар поднялся и потянулся.

— Пойду позвоню. Пока связь нормальная.

Он вышел. Через минуту следом за ним ушёл Хенрик, прихватив с кресла толстовку.

В комнате стало чуть тише.

На телевизоре сняли с автомобиля двигатель. Маттиас прибавил звук, послушал объяснение ведущего и снова уба-

вил.

— Нахера они его полностью разбирают? — спросил Йонас.

— Потому что внутри всё сгнило, — ответил Маттиас.

— Так новый поставь.

— Тогда передачи не будет.

Кофеварка закончила работу.

Стен налил кофе себе и Курту. Третью кружку поставил перед Йонасом.

— Держи.

— Спасибо.

— Зара, тебе кофе?

Она подняла голову.

— Нет, спасибо. У меня чай.

Стен кивнул и сел за стол.

Курт наконец закрепил ремешок на часах. Надел их на руку, повернул запястье, проверил застёжку.

— Готово.

— Работают? — спросил Стен.

— Работали и до этого. Ремешок сломался.

— Покажи.

Курт протянул руку.

Стен посмотрел.

— Хорошо сделал.

— Знаю.

Он убрал инструменты в коробку и отнёс её на полку.

В десятом часу пришёл Кай.

Он вошёл без куртки, в чёрной футболке и тёмных брюках. Волосы были ещё влажными после душа. В руке он держал телефон, на экране которого светилось открытое сообщение.

— Кто завтра с утра на генераторах?

— Оскар, — ответил Стен.

— Он где?

— Звонить ушёл.

— Передай, чтобы масло проверил до запуска. На втором вчера давление прыгало.

— Передам.

Кай кивнул, убрал телефон в карман и подошёл к кофеварке.

— Остался?

— Есть, — сказал Стен.

Кай налил кофе, добавил сахар и сел на диван рядом с Маттиасом.

— Чего смотрите?

— Машину собирают.

Кай посмотрел на экран.

— Эту они уже полгода собирают. Дебилы, всё не собирают.

— Третий выпуск, — сказал Маттиас.

— А по ощущениям, как шестой.

Он отпил кофе.

— Ты свою купил?

Маттиас оживился.

— Да.

— Какую?

— Ту, что показывал.

— Синюю?

— Да.

— Почём?

Маттиас назвал сумму.

Кай кивнул.

— Нормально. Если коробка не убитая.

— Её проверяли.

— Кто?

— Брат.

— Брат у тебя механик?

— Нет.

— Тогда охуенная проверка.

Маттиас засмеялся.

— Он в сервис её возил.

— Вот с этого и надо было начинать.

Кай вытянул ноги и посмотрел на телевизор.

— Жена видела?

— Фотографию.

— И что?

— Сказала, красивая.

— Машина?

— Ну да.

— Хорошо, что уточнил.

Маттиас повернулся к нему.

— А что ещё?

— Да хрен тебя знает. Ты иногда такое рассказываешь.

Рольф рассмеялся.

Маттиас покачал головой.

— Ты не исправим.

— Я и не чинюсь.

Кай отпил кофе.

— Когда забирать будешь?

— После смены. Брат пока у себя поставил.

— Резину зимнюю купил?

— Да.

— Какую?

Маттиас назвал марку.

Кай кивнул.

— Нормальная.

Разговор перешёл на машины. Йонас рассказал, что у него после прошлой зимы пришлось менять аккумулятор. Стен вспомнил, как однажды оставил автомобиль на стоянке аэропорта почти на два месяца и потом не смог открыть замёрзшую дверь.

Кай рассказал, как в молодости они с Эмилем купили старый внедорожник для первой экспедиции.

— За сколько? — спросил Маттиас.

— За тысячу восемьсот.

— И ездил?

— Первые сорок километров.

Рольф засмеялся.

— А потом?

— Потом у него отвалился кардан.

— Прямо на дороге?

— Нет, блядь, в ресторане.

Кай поставил кружку на стол.

— Посреди грунтовки. Эмиль вылез, посмотрел и говорит: «Ну, это плохо». Я ему говорю: «Спасибо, что сказал. А то я думал, так и должно быть».

Маттиас рассмеялся.

— Починили?

— За три часа. Проволокой, хомутами и какой-то хуйнёй, которую Лука нашёл в кузове.

— И доехали?

— Доехали. Потом ещё два месяца на нём ездили.

— С тем же карданом?

— С другим. Мы же не совсем ебанутые.

— А машину продали?

— На металлолом сдали через год.

— Жалко.

— Чего жалко? Она своё отработала.

Кай взял кружку.

— Эмиль потом ещё месяц вспоминал, как я ему сказал, что машина отличная.

— А ты сказал? — спросил Рольф.

— Конечно. Я её выбирал.

Все засмеялись.

Зара тоже улыбнулась, отложив книгу на колени.

Кай заметил движение и посмотрел в её сторону.

— Что?

— Ничего.

— Смешно?

— Немного.

— Ну смейся. Эмиль до сих пор смеётся.

— А Лука?

— Лука тогда вообще сказал, что мы оба долбоёбы.

— И кто оказался прав?

— Лука, — ответил Кай без паузы.

Зара рассмеялась.

Кай усмехнулся и повернулся к Маттиасу.

— Вот поэтому свою машину сначала на подъёмник загоняй. Потом радуйся.

— Уже загоняли, — сказал Маттиас.

— Тогда радуйся.

К половине одиннадцатого телевизор переключили на фильм.

Курт убрал часы и инструменты, достал из шкафа коробку с картами. Стен освободил стол от кружек.

— Кто играть будет?

— Я, — сказал Рольф.

— Я тоже, — отозвался Йонас.

Маттиас остался на диване. Кай сидел рядом с ним и ли-стал что-то в телефоне.

Зара продолжала читать. Иногда она останавливалась на странице, слушала разговор за карточным столом, потом снова опускала глаза.

Через несколько минут вошёл Оскар.

— Связь опять сдохла, — сообщил он.

— Совсем? — спросил Стен.

— Голос идёт, видео виснет. Сначала жена зависла с от-крытым ртом, потом я.

Рольф рассмеялся.

— Хорошая семейная беседа.

— Она сказала, что я специально выключаю камеру.

— А ты?

— Сказал, что у нас тут спутник, а не волшебство, сука.

Оскар снял толстовку, повесил на спинку кресла.

— Кто-нибудь завтра стирать будет?

— Я после обеда, — ответил Курт.

— Тогда я утром.

— Сушилку не занимай до вечера.

— Не буду.

— Ты в прошлый раз три дня носки сушил.

— Они толстые.

— Их было восемнадцать пар.

— И что?

— Ничего. Просто у нас не фабрика.

Оскар поднял руки.

— Ладно, мать. Всё уберу.

Он сел рядом с Маттиасом.

Кай посмотрел на него.

— Масло завтра проверь до запуска.

— Стен сказал.

— Значит, два раза слышал.

— Проверю.

Оскар вытянул ноги.

— А кто завтра в столовую первым пойдёт? Тойво сказал, блины будут.

— Во сколько? — спросил Рольф.

— С восьми.

— Тогда я в восемь.

— Ты и без блинов в восемь, — сказал Йонас.

— Но с блинами приятнее.

Зара перевернула страницу.

— У Тойво правда блины будут?

— Обещал, — сказал Оскар.

— Тогда я тоже приду пораньше.

Кай поднял голову от телефона.

— Ты в выходной рано встаёшь?

— Нет.

— Тогда блинов тебе не достанется.

— Я могу поставить будильник.

— Ради блинов?

— Конечно.

Кай посмотрел на неё несколько секунд, затем усмехнулся.

— Ладно. Это уважительная причина.

Она улыбнулась и вернулась к книге.

Без четверти одиннадцать Стен достал с полки толстую тетрадь в клетку.

Положил её на свободный стол, рядом с коробкой ручек и карандашей.

— Пока все здесь, — сказал он, — давайте заявки на следующий борт соберём. Завтра после обеда отправлять буду.

— Опять? — спросил Маттиас.

— Нет, блядь, впервые за полгода.

— Я думал, в понедельник.

— В понедельник поздно. Если в субботу прилетят, закупку надо закрыть заранее.

— Я тебе потом допишу.

— Потом забудешь. Как в прошлый раз.

Маттиас вздохнул, но поднялся с дивана.

Стен раскрыл тетрадь на чистой странице и написал дату.

— Так. Кто первый?

— Я, — сказал Рольф. — Сигареты.

— Сколько?

— Четыре блока.

Стен записал.

— Ещё?

— Кофе. Две банки. И шоколад.

— Какой?

— Любой, только не с орехами.

— Почему?

— Потому что я без орехов люблю.

— Записал.

Йонас попросил батарейки, зубную пасту и крем для рук.

Курт — новый ремешок для часов, хотя старый только что починил.

— Зачем тебе второй? — спросил Стен.

— Этот временно.

— Ты его полвечера делал.

— И что?

— Ничего. Ремешок записал.

Оскар заказал носки и два блока сигарет.

Маттиас долго листал телефон, сверяясь со списком, который составил заранее.

— Так. Кофе, три банки. Шампунь. Зубная паста. Батарейки. И вот эти орешки.

Он показал экран.

Стен посмотрел.

— Они дорогие.

— И что?

— Ничего. Тебе покупать.

— Тогда пиши четыре пачки.

Кай, сидевший на диване, поднял глаза.

— Маттиас, ты эти орехи за неделю сожрёшь.

— Не за неделю.

— За три дня.

— Я умею себя контролировать.

Кай рассмеялся.

— Конечно. Особенно возле холодильника.

Маттиас показал ему средний палец и вернулся к Стену.

Зара закрыла книгу, вложила закладку и положила её на подлокотник кресла.

Некоторое время она смотрела, как Стен записывает заявки.

Потом поднялась, взяла кружку и подошла к столу.

— Стен, а мне тоже можно заказать?

— Конечно. Давай.

Она села на свободный стул.

— Мне шампунь нужен. И крем для рук. Я могу марки написать?

— Пиши. Только разборчиво.

Он подвинул к ней тетрадь.

Зара взяла ручку и нашла свободную строку.

Написала фамилию. Ниже — шампунь, крем, дополнительный комплект термобелья. Указала размер и артикул.

— Женское? — спросил Стен.

— Да.

— Если такого не будет, аналог можно?

— Если размер совпадёт. Но лучше эту модель.

— Ладно.

Он посмотрел на запись.

— Всё?

Зара задержала ручку над страницей.

— Нет. Ещё средства личной гигиены.

— Какие?

— Я сейчас напишу.

Она наклонилась к тетради и вывела следующую строку мелким почерком.

Стен подался ближе, пытаясь разобрать.

— Чего, блядь, средства личной гигиены? Это какие?

Зара остановила ручку.

Маттиас, стоявший рядом с диваном, коротко хохотнул.

Не громко. Просто на вопрос Стена.

Рольф поднял глаза от телефона.

Зара поправила выбившуюся прядь волос.

— Я марку напишу, — сказала она тише.

— Да я вижу, что марку. Мне понять надо, что заказывать.

Она чуть подвинула тетрадь к себе.

— Прокладки.

Стен посмотрел на запись.

— А-а. Понял.

Он взял ручку.

— А это два разных вида?

— Да.

— Оба нужны?

— Да.

— Хорошо. Если именно таких не будет, что делать?

Зара помолчала.

— Лучше тогда мне скажите. Я другой вариант выберу.

— Ладно. Напишу, чтобы без замены.

Он поставил возле записи звёздочку.

— Ещё что-нибудь?

— Нет, спасибо.

Она закрыла ручку колпачком и положила рядом с тетрадью.

На щеках у неё выступил румянец.

Стен уже повернулся к Йонасу.

— Ты батарейки какие писал? АА или ААА?

— АА.

— Четыре штуки?

— Восемь.

— Вот теперь нормально.

Зара вернулась в кресло, взяла кружку и сделала глоток оставшего чая.

За карточным столом Рольф рассказывал, как однажды ему вместо заказанного крема для обуви привезли банку автомобильной полироли. Курт спросил, воспользовался ли он ею. Рольф ответил, что ботинки после этого блестели лучше новых.

Зара улыбнулась.

Маттиас сел на диван.

— Кай, тебе что заказывать?

Кай не поднял головы от телефона.

— Кофе. Три банки.

— Сахар?

— Есть.

— Всё?

— Пока да.

Маттиас передал Стену.

— Три банки кофе начальству.

— Я слышу, — сказал Кай.

— И что?

— Ничего. Пиши правильно.

Маттиас усмехнулся.

Стен записал заказ.

За окнами ветер усилился. Снег зашуршал по стеклу, и на несколько секунд вентиляция загудела громче.

В комнате продолжали разговаривать. Кто-то пересел ближе к телевизору. Курт снова взял карты. Рольф пошёл за кофе. Оскар достал телефон и показал Маттиасу фотографию собаки, которую жена хотела взять из приюта.

Зара раскрыла книгу.

Через несколько страниц она снова подняла голову.

— А собаку какую хотите?

Оскар повернул к ней экран.

— Вот эту.

На фотографии сидел большой лохматый пёс с белой грудью и одним опущенным ухом.

Зара улыбнулась.

— Красивый.

— Жена говорит, он спокойный.

— По фотографии?

— В приюте сказали.

— А вы хотите?

Оскар посмотрел на фотографию.

— Я домой приеду — посмотрю. Если он меня не сожрёт, возьмём.

— С таким лицом? — сказала Зара. — Мне кажется, он вас скорее обнимет.

Оскар рассмеялся.

— Вот жена то же самое говорит.

Он убрал телефон.

Зара вернулась к книге.

Кай, сидевший на диване, посмотрел на часы.

— Стен, ты завтра список отправляешь?

— После обеда.

— Запчасти с заявкой не смешай. Лука в прошлый раз полчаса искал подшипники среди зубной пасты.

— Не смешаю.

— И Оскару скажи, чтобы по генератору номер фильтра перепроверил.

— Хорошо.

Кай допил кофе и поставил кружку на столик.

— Ладно. Кто в карты?

Рольф поднял руку.

— Я.

— Курт?

— Давай.

Маттиас посмотрел на часы.

— Я ещё посижу.

— Тогда сиди.

Кай встал и подошёл к столу.

— Балтазар, играть будешь?

Она подняла голову от книги.

— Во что?

— В карты.

— Я не очень хорошо играю.

— Мы заметим.

Она улыбнулась.

— Спасибо за предупреждение.

— Пожалуйста.

Кай сел, взял колоду и начал тасовать.

Зара посмотрела на раскрытую книгу, вложила закладку и закрыла её.

— Одну партию можно.

— Садись.

Она принесла кружку и устроилась на свободном стуле.

Рольф подвинул к ней коробку с печеньем.

— Бери.

— Спасибо.

Кай сдал карты.

— Правила знаешь?

— В общих чертах.

— Отлично. Если проиграешь, скажешь, что мы плохо объяснили.

— А если выиграю?

— Тогда объяснять ничего не придётся.

Зара засмеялась и взяла карты.

За окнами по-прежнему шёл снег.

В комнате было тепло. Телевизор продолжал показывать фильм, хотя его уже почти никто не смотрел. У окна Йонас снова набирал жену. Оскар листал фотографии собак. Стен дописывал последние заявки в тетрадь.

Кай выложил первую карту.

— Ну что, Авель. Посмотрим, чему тебя в институте учили.

— Боюсь, именно этому нас не учили.

— Зря. Полезный навык.

Она посмотрела на свои карты и положила одну на стол.

— Тогда придётся осваивать здесь.

— Вот и осваивай.

Рольф потянулся за колодой.

— Только не слушай его, Зара. Он правила по ходу меня-

ет.

Кай даже не повернулся.

— Я меняю правила только для тупых.

— Значит, для всех нас?

— Наконец-то дошло.

Маттиас засмеялся с дивана.

Зара опустила глаза на карты. Уголки губ у неё поднялись.

Игра продолжилась.

Карты успели раздать ещё дважды.

Во второй партии Зара проиграла почти сразу. Кай забрал последние карты, положил их поверх колоды и посмотрел на неё.

— Ну что, Балтазар, институтские знания не помогли?

— Боюсь, нет.

— Деньги зря потратили.

— Я училась на бюджете.

Рольф рассмеялся.

— Тут ты промахнулся, Кай.

— Значит, государство зря потратило.

Зара улыбнулась и собрала свои карты.

— Тогда мне лучше не рассказывать, сколько лет я училась.

— Не надо. Я и так налоги плачу.

Маттиас с дивана поднял голову.

— Ты-то как раз меньше всех имеешь право жаловаться.

— А ты больше всех имеешь право заткнуться.

— Вот за это мы тебя и любим.

— Знаю.

Кай протянул руку за колодой.

— Ещё?

Зара посмотрела на часы.

— Я ненадолго выйду. Продолжайте без меня.

— Туалет за углом, — сказал Рольф.

— Спасибо, я уже нашла его за неделю.

Она положила карты на стол, взяла кружку и поднялась.

— Только не проиграйте всё, пока меня нет.

— Тут проигрывать нечего, — сказал Кай.

Она улыбнулась и вышла.

Дверь закрылась.

Курт пересел на освободившийся стул. Кай собрал карты и начал тасовать.

Несколько секунд слышались телевизор и негромкий разговор Йонаса у окна.

— Слушай, Кай, — сказал Рольф.

— Что?

— Ты Авель пересели уже к себе.

Кай поднял глаза.

— Чего, блядь?

— Из нашего блока. В первый.

— Она вам что, спать мешает?

— Да нет, блядь. Нормальная баба. Но ты сам подумай.

Кай положил колоду на стол.

— Ну, подумал.

— Да нихера ты не подумал. Нас там двадцать рыл. Мы в этом блоке месяцами живём. Теперь ни в трусах по коридору пройти, ни яйца почесать, ни пернуть спокойно.

— Я тебе мешаю яйца чесать? — спросил Кай.

— Ты — нет. Ты там не живёшь.

Маттиас засмеялся.

Стен, сидевший рядом с тетрадью заявок, повернулся к столу.

— Рольф нормально говорит. У нас душевые общие, туалеты общие. Комнаты-то отдельные, а всё остальное нет.

— Она вам в душ заглядывает? — спросил Кай.

— Да при чём тут заглядывает? — Рольф развёл руками.

— Я после душа привык полотенце на жопу намотать и до комнаты дойти. Теперь мне одеваться там надо.

— Ужасная трагедия.

— Да иди ты нахуй.

Кай усмехнулся.

— Иди сам. Полотенце не потеряй.

Курт взял со стола карту, повертел между пальцами.

— Я вчера жене звонил. Авель по коридору прошла, поздоровалась. Жена сразу спрашивает: «Это кто?»

Маттиас рассмеялся.

— И что ты сказал?

— Что геолог.

— Помогло?

— Нет. Она ещё минут десять спрашивала, почему геолог у нас в жилом блоке.

— А ты?

— Объяснил. Но нахуя мне вообще это объяснять?

— А жена красивая? — спросил Кай.

Курт посмотрел на него.

— Моя?

— Нет, блядь, Рольфа.

— Красивая.

— Тогда чего нервничаешь? Пусть ревнует.

— Я не нервничаю. Я тебе говорю, что это неудобно.

— А я тебе говорю, что жена у тебя красивая.

Маттиас фыркнул.

— Всё, Курт, вопрос закрыт.

— Да пошли вы оба.

Кай рассмеялся.

Рольф наклонился к столу.

— У тебя в первом блоке комнаты пустые есть?

— Есть.

— С душем?

— С душем.

— Ну так какого хуя она у нас живёт?

Кай откинулся на спинку стула.

— Потому что когда я её селил, свободная комната была у вас.

— Теперь пересели. Делов на десять минут.

— Сам бы и переселил, раз такой умный.

— Так я не могу. Ты начальник.

— А когда тебе удобно, сразу вспоминаешь.

Рольф пожал плечами.

— Конечно.

Кай посмотрел на Стена.

— Остальные тоже ноют?

— Не ноют. Но переселить лучше.

— Почему раньше не сказали?

— Думали, сама попросит.

— Она не просила.

— Ну вот мы и просим.

Кай взял кружку. Кофе на дне уже остыл. Он допил его и поставил кружку обратно.

— Ладно. Завтра переедет.

Рольф кивнул.

— Вот и хорошо.

— Только ты ей вещи нести будешь.

— Да без проблем.

— И комнату подготовишь.

— Какую?

— Четырнадцатую. Напротив сушилки. Проверишь бельё, душ, воду.

— Это у вас в первом блоке?

— Нет, блядь, у тебя под кроватью.

Рольф усмехнулся.

— Сделаю.

Кай взял колоду.

— Всё? Теперь можно играть, или у вас ещё какие-нибудь проблемы с яйцами?

— У меня никаких, — сказал Маттиас.

— Тебя никто не спрашивал.

— Я просто сообщил.

Курт потянулся за картами.

— Раздавай уже.

Кай перетасовал колоду.

— А Авель сами скажете?

— Ты скажи, — ответил Стен. — Ты её начальник.

— Очень удобно устроились.

— Ты сам хотел начальником быть, — сказал Рольф.

Кай посмотрел на него.

— Я хотел деньги зарабатывать. А получил вас, долбоёбов.

— Не повезло, — согласился Рольф.

Кай сдал первую карту.

— Ещё как.

Зара вернулась минут через пять.

У стола уже сидели четверо. Йонас пересел на диван к Маттиасу, а Оскар ушёл к себе. На телевизоре шли титры фильма.

Зара остановилась возле своего кресла.

— Вы уже начали?

— Вторую раздачу, — ответил Рольф.

— Быстро вы.

— Мы профессионалы, — сказал Курт.

— Я заметила.

Она взяла книгу с подлокотника и раскрыла её.

— Балтазар, — позвал Кай.

Она подняла голову.

— Да?

— Завтра после завтрака соберёшь вещи.

Зара закрыла книгу пальцем между страницами.

— Зачем?

— Переедешь в первый блок. Четырнадцатая комната.

Она посмотрела на него, затем на Рольфа.

— А что случилось?

— Ничего, — ответил Кай. — Мужикам тесно.

Рольф поднял голову.

— Не тесно. Просто неудобно.

— Вот. Неудобно, — повторил Кай.

Зара перевела взгляд на Стена.

— Я вам мешаю?

— Нет, Зара, — сказал Стен. — Ты не мешаешь. Просто у нас мужской блок. Мы там привыкли по-своему жить.

Она кивнула.

— Понимаю.

— Ты только не подумай, что мы тебя выгоняем, — добавил Рольф.

— Я так и не подумала.

— В столовой и здесь всё равно вместе сидим.

— Конечно.

Она улыбнулась.

— И душ у меня будет отдельный?

— Будет, — сказал Кай.

— Тогда я совершенно не против.

Маттиас засмеялся.

— Вот видишь, Рольф. Все довольны.

— Я с самого начала говорил.

— Ты с самого начала про яйца говорил, — заметил Курт.

Рольф повернулся к нему.

— Ну и что?

Зара приподняла брови.

Кай посмотрел на Рольфа.

— Сам объясняй.

— Да чего тут объяснять? — Рольф развёл руками. — Мы там двадцать мужиков. Привыкли в трусах ходить. А теперь женщина в коридоре.

Зара несколько секунд смотрела на него, потом рассмеялась.

— Рольф, я вас прекрасно понимаю.

— Вот!

— И, поверьте, отдельный душ меня тоже очень устраивает.

Маттиас хлопнул ладонью по колену.

— Всё. Вопрос решён.

Кай отложил карты.

— Завтра после завтрака ключ у меня возьмёшь. Рольф поможет перенести вещи.

— Спасибо. Но у меня немного, я сама справлюсь.

— Тогда сама. Комната будет готова.

— Хорошо.

Она вернулась в кресло, раскрыла книгу и поправила подушку за спиной.

Рольф посмотрел на Кая.

— Ну что, играем?

— Играем.

Кай взял карты.

— Ходи.

К полуночи в комнате осталось шестеро.

Стен унёс тетрадь заявок, Курт забрал свои часы и инструменты. Маттиас ещё некоторое время смотрел телевизор, потом выключил его и ушёл звонить домой.

Зара дочитала главу, вложила закладку и поднялась.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, Зара, — ответил Рольф.

Кай поднял взгляд от карт.

— Авель.

Она остановилась.

— Да?

— После завтрака. Не в шесть утра.

— Я и не собиралась в шесть.

— Хорошо. А то ещё разбудишь полблока.

Она улыбнулась.

— Постараюсь не разбудить.

— Вот и отлично.

Зара взяла кружку, отнесла её к стойке и поставила в мой-
ку.

— Спокойной ночи.

— Давай, — сказал Кай.

Она вышла.

Дверь закрылась.

Рольф посмотрел на свои карты.

— Нормальная она.

— Угу, — ответил Курт.

Кай протянул руку к колоде.

— Ходи уже.

За окном ветер гнал снег вдоль стены. Вентиляция гудела
ровно. На столе стояли три кружки, лежали карты и откры-
тая пачка печенья.

Рольф положил карту.

Кай посмотрел на неё.

— Ну ты и долбоёб.

— Почему?

— Сейчас увидишь.

Он выложил свою.

Рольф выругался.

Кай рассмеялся.

В комнате отдыха продолжалась игра.

Г

Глава Г

Понедельник

Ветер шёл вдоль площадки, поднимая с утрамбованного снега сухую белую пыль.

На термометре возле выхода из технического модуля было минус тридцать четыре. Красная стрелка дёргалась на ветру. Над дверью горела лампа, хотя часы показывали начало десятого.

У буровой работал дизель. Низкий гул двигателя перекрывал голоса, а при порывах ветра к нему добавлялся протяжный металлический скрип. Над станком поднимался пар. Он тут же уходил в сторону и распадался на мелкую взвесь.

Хенрик стоял у пульта, втянув голову в высокий ворот куртки. На защитных очках по краям намерзал иней. Он то и дело поворачивал голову, чтобы посмотреть на Рольфа, который работал возле труб.

— Стоп!

Хенрик остановил подачу.

Рольф поднял руку, дождался, пока вращение прекратится, и шагнул ближе к соединению. Перчатками смахнул снежную пыль с металла, наклонился.

— Ключ!

Оскар подал ему инструмент.

Рольф поставил ключ на соединение, потянул. Не сдвинулось.

— Сука.

Он переставил руки и попробовал ещё раз.

Металл коротко скрипнул.

— Пошло.

Оскар придержал инструмент, пока Рольф доворачивал соединение. Потом оба отошли.

— Давай.

Хенрик снова включил подачу.

Станок загудел громче.

У края площадки стоял Кай. В тёмной утеплённой куртке, защитных очках и шапке под капюшоном. В одной руке держал планшет с журналом, другой придерживал рацию возле воротника.

Он посмотрел на станок, затем на показания у пульта.

— Хенрик, нагрузку не гони.

— Вижу.

— Тогда почему растёт?

Хенрик убрал подачу.

— На этом интервале плотнее пошло.

Кай подошёл ближе, встал сбоку от пульта.

— Сколько прошли?

Хенрик назвал глубину.

Кай сверился с журналом.

— На предыдущем метре что было?

— Нормально. Потом начало поджимать.

— Промывка?

— Идёт.

Кай посмотрел на манометр, затем на шланг, уходивший к установке.

— Оскар!

Тот повернулся.

— Что?

— Проверь линию. На обратной стороне, не подмерзает ли.

Оскар поднял большой палец и пошёл вдоль шланга.

Кай остался возле пульта.

— Ещё раз попробуй. Только без геройства.

Хенрик кивнул.

Станок снова начал работать.

Кай несколько минут наблюдал за показаниями. Потом отошёл к столу с журналом, положил планшет и снял правую рукавицу. На открытых пальцах сразу выступила краснота.

Он быстро вписал несколько цифр, надел рукавицу и вызвал по радиации технический модуль.

— Йонас, приём.

Радиация зашипела.

— На связи.

— Вторую линию проверили?

— Да. Давление держит.

— Подогрев?

— Нормально.

— Ладно. Я после одиннадцати подойду.

Он убрал рацию.

Рольф подошёл к нему, придерживая воротник.

— На следующем интервале опять прихватит.

— Возможно.

— Тогда скорость сбрасываем?

— Пока да. Если начнёт расти момент — остановишь. Не надо мне здесь сорванной резьбы.

— Понял.

Кай посмотрел на него.

— И ключ убери с настила. Второй раз уже об него спотыкаются.

Рольф обернулся.

На настиле действительно лежал длинный трубный ключ.

— Чей?

— Твой, блядь.

— А, точно.

Рольф забрал инструмент.

Кай покачал головой.

— Вы когда-нибудь научитесь класть вещи на место?

— Нет.

— Я так и думал.

Рольф усмехнулся и пошёл обратно к станку.

К одиннадцати ветер усилился.

Возле технического модуля наметало снежный валик.

Дверь приходилось придерживать плечом, иначе её вырывало из руки.

Кай вошёл внутрь, стряхнул снег с рукавов и снял очки. На

внутренней стороне воротника осел иней.

За столом сидел Йонас. Перед ним стояли ноутбук, кружка и раскрытый журнал обслуживания.

— Ну? — спросил Йонас.

— На двадцать первой скважине поджигает. Сбросили подачу.

— Опять?

— На предыдущем метре нормально шло.

Йонас повернул к нему ноутбук.

— По второй линии всё чисто. Я вчерашние записи поднял.

Кай наклонился к экрану.

— Вот здесь что?

— Кратковременный провал. Датчик проверили, кабель тоже. Больше не повторялось.

— Температура?

— В пределах.

Кай провёл пальцем по таблице.

— Оставь под наблюдением. Если ещё раз провалится, снимем и проверим отдельно.

— Уже сказал Оскару.

— Хорошо.

Кай выпрямился и взял кружку со стойки.

— Кофе есть?

— В термосе.

Он налил себе.

Йонас посмотрел на его куртку.

— На улице сколько?

— Минус тридцать четыре. Ветер хуже.

— Хенрик уже жаловался?

— Хенрик с утра матерится. По нему температуру не определишь.

Йонас усмехнулся.

Кай отпил кофе.

— На двадцать второй скважине когда заканчивают?

— Если без остановок, к вечеру.

— Без остановок не будет. Сказки не рассказывай.

— Тогда завтра.

Кай кивнул.

Они ещё некоторое время сверяли журнал, обсуждали задачу, расход топлива и график на вторую половину дня. Йонас показал фотографии соединения, которое собирались менять на следующем обслуживании. Кай увеличил изображение, попросил другой ракурс и указал на место у крепления.

— Вот здесь посмотри. Не нравится мне эта кромка.

— Я тоже заметил.

— Новую деталь заказали?

— Стен внёс в список.

— Пусть номер сверит. В прошлый раз прислали похожую, только посадка другая.

— Сверим.

Кай поставил кружку.

— Ладно. Пойду к Балтазар загляну.

Йонас поднял глаза.

— Зачем?

— Посмотрю, что у неё там. Может доебусь. Ты скучный.

— Попробуй. Но она вчера данные выгружала.

— Вот и посмотрю.

Йонас пожал плечами и вернулся к ноутбуку.

Кай натянул очки, поднял воротник и вышел.

Тепляк Зары стоял в стороне от основной линии движения техники.

От буровой до него в снегу была протоптана узкая дорожка. С одной стороны её уже занесло почти до колена. Возле входа лежала деревянная решётка, чтобы не скользить на утрамбованном насте.

Внутри работал обогреватель.

Зара сидела за небольшим столом в расстёгнутой утеплённой куртке. На ней был шерстяной свитер. Рядом лежали перчатки, блокнот и карандаш. На ноутбуке были открыты несколько графиков. К прибору на полке подходили тонкие кабели, закреплённые пластиковыми фиксаторами.

Она переписала цифру в блокнот, сверилась с экраном и

нажала несколько клавиш.

Дверь открылась.

В тепляк ворвался холодный воздух.

Зара подняла голову.

Кай вошёл, придержал дверь плечом и закрыл её за собой.

— Ну что, Балтазар, сколько миллионов мы уже закопали в твою оптоволоконную лапшу?

Она посмотрела на него.

— Доброе утро. Пока ни одного, к сожалению.

— Недорабатываешь.

— Могу включить в следующий отчёт дополнительные расходы.

— Попробуй.

— Вы же потом их не согласуете.

— Не согласую.

— Тогда не вижу смысла тратить бумагу.

Кай усмехнулся.

Он снял очки и оглядел помещение.

— Тепло у тебя.

— Плюс шестнадцать.

— Мало.

— Для оборудования достаточно. И мне удобно.

— Я не спрашивал, удобно ли тебе.

— А я на всякий случай уточнила.

Кай посмотрел на неё, потом на обогреватель.

— Нормально работает?

— Да. Пока никаких проблем.

— Электричество не прыгает?

— Нет. Я проверяла утром.

Он подошёл к столу.

— Ну, показывай, что там у тебя.

Зара повернула ноутбук немного в его сторону.

— Я как раз сравниваю вчерашние измерения с термисторами.

Кай наклонился к экрану.

— И?

— На основном участке совпадение хорошее. Здесь, — она указала карандашом, — есть расхождение. Небольшое, но устойчивое.

Кай посмотрел на график.

— Насколько небольшое?

Она назвала величину.

— Погрешность?

— Ниже.

— Кабель проверяла?

— Да.

— Два раза?

— Три.

Кай выпрямился.

— Молодец. Любишь работать.

— Мне за это платят.

— А я думал, из любви к искусству.

— Искусство тоже бывает оплачиваемым.

Он хмыкнул и снова наклонился к экрану.

— Вот здесь почему ступенька?

Зара приблизила участок графика.

— Пока не уверена. Проверяю, связано ли это с контактом кабеля или с температурным распределением по стволу.

— А если контакт?

— Тогда картина будет повторяться на соседних интервалах не так, как при реальном изменении температуры.

— Не обязательно.

— Не обязательно, — согласилась она. — Поэтому я и проверяю.

Кай посмотрел на неё.

— То есть пока ты не знаешь.

— Пока нет.

— Отлично. Миллионы потрачены, ответа нет.

— Вы же сами сказали, что миллионов ещё нет.

— Значит, пока не поздно остановиться.

— Можно. Но тогда мы точно не узнаем, что это.

Кай усмехнулся.

— Умеешь продавать науку.

— Я стараюсь объяснять её пользу.

— А получается?

— Вам виднее.

Он снова посмотрел на экран.

Несколько минут они говорили только о данных.

Кай спрашивал, как она привязывает показания к глубине, насколько устойчиво ведёт себя линия, что изменилось после последней проверки. Зара открывала файлы, показывала таблицы, иногда доставала блокнот и сверяла записи.

Когда он спросил о соседнем интервале, она вывела на экран второй график.

— Вот. Здесь отклонение меньше. А здесь его практически нет.

Кай провёл пальцем вдоль линии, не касаясь экрана.

— Если это не кабель, может быть локальная неоднородность.

— Может. Но мне нужно ещё несколько серий.

— Сколько?

— Минимум три. Лучше пять.

— По времени?

— Если условия останутся стабильными, к концу недели будет понятнее.

— Если останутся.

— Да.

Кай выпрямился.

— Ладно. Когда будет что-то определённое, покажешь.

— Конечно.

Он не ушёл.

Вместо этого взял со стола свободный карандаш, покрутил между пальцами и посмотрел на лежащую рядом распечатку.

— А это что?

— Черновые расчёты.

— Вижу. Почему от руки?

— Мне так удобнее.

— Ноутбук не справляется?

— Справляется.

— Тогда зачем карандаш?

Зара подняла на него глаза.

— Он не требует зарядки.

Кай рассмеялся.

— Хороший аргумент.

— И не зависает.

— Ещё лучше.

Он положил карандаш обратно, но не туда, откуда взял.

Зара передвинула его к блокноту.

Кай заметил движение.

— У тебя всё по местам?

— Стараюсь.

— Даже карандаши?

— Особенно карандаши. Они теряются.

— В тепляке размером три на четыре?

— Представьте себе.

Кай взял карандаш снова и положил на другую сторону стола.

Зара посмотрела на него.

Потом протянула руку и вернула карандаш на место.

— Вам скучно?

— Немного.

— Могу предложить журнал измерений. Там много цифр.

— Я свои уже посмотрел.

— Тогда у меня есть инструкция к прибору. На сто во-
семьдесят страниц.

Кай усмехнулся.

— Ты меня выгнать пытаешься?

— Нет. Предлагаю чтение.

— А если мне не хочется читать?

— Тогда боюсь, развлекательная программа у нас ограни-
чена.

Он засмеялся.

— Слушай, Авель, а ты всегда такая?

— Какая?

— Серьёзная.

Она посмотрела на карандаш в его руке.

— Сейчас, например, я не совсем серьёзна.

— Да ну?

— Вы второй раз перекладываете мой карандаш. Я пока
делаю вид, что это часть производственной проверки.

Кай рассмеялся громче.

— А если третий?

— Тогда попрошу оформить акт.

Он положил карандаш на край ноутбука.

— Оформляй.

Зара сняла карандаш с ноутбука.

— Боюсь, для этого понадобится ваша подпись.

— Подпишу.

— Не сомневаюсь.

Она положила карандаш рядом с блокнотом и вернулась к экрану.

Кай остался возле стола.

— А ты вообще сколько здесь собираешься сидеть?

— Сегодня?

— Вообще.

— До конца испытаний.

— А если не получится?

— Тогда до конца испытаний, которые не получились.

— Хороший план.

— Контрактом предусмотрен.

— И сколько тебе за это платят?

Зара повернула голову.

— Достаточно.

— Сколько?

— А вы всем сотрудникам задаёте такие вопросы?

— Ты не мой сотрудник.

— Тем более.

Кай усмехнулся.

— Секретная информация?

— Личная.

— А-а. Понятно.

Он взял со стола распечатку.

Зара протянула руку.

— Можно, пожалуйста, я её заберу?

— А что там?

— Расчёты.

— Я вижу.

— Они мне сейчас нужны.

Кай посмотрел на лист, потом на неё.

— Ты думаешь, я их съем?

— Нет. Но вы можете их помять.

Он посмотрел на бумагу.

— Она уже мятая.

— Совсем немного.

— Значит, ничего страшного.

Зара опустила руку.

— Козлина, — произнесла она почти шёпотом.

Кай поднял глаза.

— Что?

— Ничего.

— Я слышал.

Она посмотрела на него.

— Тогда зачем спрашиваете?

Он медленно положил распечатку на стол.

— Повтори.

Зара поправила рукав свитера.

— По-моему, у вас нет проблем со слухом.

Кай усмехнулся.

— Нет. Со слухом у меня всё охуенно. Я хочу услышать, как ты это ещё раз скажешь.

Она посмотрела на него несколько секунд.

— Я бы предпочла продолжить работу.

— А я бы предпочёл услышать.

— Боюсь, наши предпочтения не совпадают.

Кай отодвинул свободный стул и сел.

— Ну так у нас время есть.

Зара посмотрела на часы.

— У меня рабочее время.

— У меня тоже.

— Тогда, возможно, у вас есть более важные дела.

— Сейчас нет.

Она взяла распечатку и положила перед собой.

— В таком случае я продолжу.

Кай откинулся на спинку стула.

— Продолжай.

Она открыла таблицу, сверила строку с записью в блокноте и начала печатать.

Кай наблюдал.

— Авель.

— Да?

— Ты всех начальников козлами называешь?

Она перестала печатать.

— Нет.

— Только меня?

— Я не веду такую статистику.

Он рассмеялся.

— А зря. Ты же учёный.

Зара снова посмотрела в экран.

— Для статистики нужна выборка.

— Ну так собирай.

— Надеюсь, необходимости не возникнет.

Кай усмехнулся.

— Значит, я первый.

Она не ответила.

Он подождал несколько секунд.

— А что, я настолько плохой начальник?

Зара подняла глаза.

— Вы не мой начальник.

— На этой площадке я решаю, что ты можешь делать, а что нет.

— Да. В рамках работ на объекте.

— Вот именно.

— И я соблюдаю ваши распоряжения.

— Но козлом всё равно считаешь.

Зара закрыла блокнот.

— Кай, знаете, это уже перебор.

Он посмотрел на неё.

— Да ну?

— Да.

— И что именно перебор?

Она положила ладони на стол.

— Я ответила на ваши рабочие вопросы. Показала изменения. Объяснила, что пока известно, а что требует проверки. А сейчас вы уже некоторое время мешаете мне работать.

Кай усмехнулся.

— Мешаю?

— Да.

— Сидя на стуле?

— Разговаривая со мной.

— А ты разговаривать не любишь?

— Люблю. Но сейчас мне нужно закончить расчёты.

Он посмотрел на экран.

— Сколько осталось?

— Примерно час.

— Ну так работай.

Зара несколько секунд смотрела на него, потом повернулась к ноутбуку.

Кай остался сидеть.

Она открыла файл, внесла данные, сделала пометку в блокноте.

Прошло несколько минут.

— Авель.

Она повернула голову.

— Да?

— А если я сейчас попрошу показать мне весь журнал?

— Покажу.

— Весь?

— Да.

— И объяснишь каждую запись?

— Если потребуется.

Кай усмехнулся.

— Хорошо.

Зара открыла папку с журналами.

— С какого числа начнём?

Он посмотрел на экран.

— С первого.

Она вывела первую страницу.

— Здесь исходные показания перед монтажом. Температура кабеля, условия калибровки, контрольная точка...

Кай слушал.

Через несколько минут он задал вопрос. Она ответила, показала следующую таблицу. Он попросил открыть ещё один файл.

Зара открыла.

Рация на плече Кая зашипела.

— Кай, приём.

Он нажал кнопку.

— На связи.

— Это Йонас. На двадцать первой опять момент растёт.

Хенрик остановил подачу.

Кай поднялся.

— Правильно сделал. Я иду.

Он убрал рацию и посмотрел на Зару.

— Ладно, Балтазар. Продолжим в другой раз.

Она подняла глаза от журнала.

— Конечно.

— И карандаш свой береги.

Зара посмотрела на карандаш.

— Постараюсь.

Кай усмехнулся, натянул очки и открыл дверь.

Холодный воздух ворвался внутрь. Бумажный уголок на столе приподнялся.

— Дверь закройте, пожалуйста, — сказала Зара.

— Сама закроется.

Он вышел.

Доводчик медленно потянул дверь обратно. Замок щёлкнул.

Зара подождала, пока перестанет колыхаться край распечатки, придвинула к себе блокнот и продолжила запись.

Снаружи снова загудел двигатель буровой.

На термометре у стены оставалось плюс шестнадцать.

Кай вышел из тепляка, придерживая дверь плечом, и сразу попал под порыв ветра.

Снег шёл почти горизонтально. Между модулями тянулись серые полосы позёмки; у основания кабельных стоек намело свежие узкие гребни. Кай опустил подбородок в ворот куртки, натянул перчатку, которую не успел надеть внут-

ри, и пошёл к буровой.

В наушнике ещё потрескивала рация.

— Йонас, повтори последнее.

— Хенрик остановил подачу. Момент подскочил, потом чуть отпустило. Сейчас держим на холостом вращении.

— Промывка?

— Идёт. Давление без скачков.

— Хорошо. Ничего не трогайте, пока не приду.

— Понял.

Кай обогнул край складского контейнера. За ним открывалась площадка двадцать первой буровой: освещённая прожекторами мачта, жёлтые перила настила, две фигуры у трубного стеллажа. Из-под защитного кожуха поднимался белый пар, который ветер сразу уносил в сторону.

На ступенях лежала тонкая ледяная корка. Кай взялся за поручень и поднялся на площадку.

Хенрик стоял у пульта, наклонив голову к показаниям. Рольф придерживал открытый ящик с инструментом, Оскар проверял соединение на подающей линии. Йонас, в тёмной шапке под каской, стоял возле Хенрика с планшетом в защитном чехле.

— Ну, показывайте, что у вас тут за праздник.

Хенрик отступил на полшага, чтобы Кай видел экран.

— На последнем метре пошло тяжело. Сначала думал, обычный участок. Потом вот.

Он провёл пальцем по графику. Кай нагнулся ближе.

— Когда начало расти?

— После соединения. Первые сорок сантиметров нормально, дальше ступенькой.

— До соединения что было?

— Чисто. Никаких признаков.

— Сколько держал?

— Секунд пять. Потом остановил подачу.

— Правильно.

Кай положил ладонь на край пульта, посмотрел на давление, потом на показания вращения.

— На холостом сейчас сколько?

Хенрик назвал цифру.

— А было?

— Меньше. Не сильно, но меньше.

— Уже интересно.

Кай выпрямился.

— Оскар, на промывке ничего не менялось?

— Нет. Расход ровный. На обратной сначала пошло гуще, потом нормально.

— Образцы смотрели?

— Рольф отнёс в контейнер.

Рольф захлопнул ящик.

— Там песка прибавилось. И куски покрупнее. Я их отдельно сложил.

— Покажи потом. Сейчас сначала железо посмотрим.

Кай подошёл к краю настила и заглянул вниз, туда, где

под платформой уходили шланги. Ветер трепал свободный конец стропы, привязанной к ограждению. Он ухватил её, подтянул узел и затянул покрепче.

— Кто это оставил болтаться?

— Я, — сказал Оскар. — После подъёма.

— Убери нахрен. Пока она кому-нибудь по лицу не прилетела.

— Сейчас.

Оскар снял стропу и унёс к стойке.

Йонас подошёл к Каю.

— Я посмотрел журнал. На предыдущем проходе здесь уже была небольшая прибавка по моменту. Не такая, чтобы останавливаться.

— Почему не сказал?

— Сказал Хенрику. Мы тогда снизили подачу.

Хенрик, не отрываясь от пульта, кивнул.

— Было дело. Потом ушло.

Кай ещё раз посмотрел на график.

— Значит, не случайный всплеск. Ладно. Давайте без геройства. Сначала проверим, не держит ли нас собственное хозяйство.

Он повернулся к Рольфу:

— Подготовь ключи. Оскар, смотри шланги и обратку. Хенрик, вращение пока не останавливай, только без подачи. Если момент ползет дальше — сразу стоп.

— Ясно.

Кай спустился с настила вместе с Йонасом. Под ногами хрустел утрамбованный снег, смешанный с буровой пылью. Возле нижней опоры мачты металлическая скоба покрылась толстым белым налётом. Кай смахнул снег перчаткой, проверил крепление и посветил фонарём на соединение.

Йонас присел с другой стороны.

— Тут сухо.

— Вижу.

— Я думал, может, на линии что-то подмерзает.

— Если бы подмерзало, мы бы по давлению увидели. Но проверить надо.

Они прошли вдоль шланга до утеплённого короба. Кай остановился, наклонился, провёл пальцами по наружной поверхности и открыл смотровую крышку. Внутри горела маленькая контрольная лампа обогрева.

— Тёплый.

— Да.

— Температуру снимали?

— Двадцать минут назад.

— Ещё раз снимем.

Йонас достал прибор. Пока он возился с защитной крышкой, Кай посмотрел на буровую.

Хенрик стоял неподвижно, обе руки возле органов управления. Рольф с Оскаром переговаривались у стойки; ветер относил слова, оставляя только отдельные обрывки.

— ...не туда положил...

— Да вижу я, блядь.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Кай усмехнулся.

— Они там опять женятся?

Йонас не поднял головы.

— Разводятся. С утра уже третий раз.

Прибор коротко пискнул.

Йонас показал экран.

— Нормально.

— Угу. Закрывай.

Кай подождал, пока крышка встанет на место, и проверил защёлку. Затем оба вернулись наверх.

— Ну что? — спросил Хенрик.

— По обогреву чисто. Сейчас попробуем аккуратно разгрузить колонну. Без резких движений.

Рольф подошёл ближе.

— Думаешь, прихватило?

— Думаю, сначала надо понять, что именно происходит.

А потом уже думать, как это назвать.

— Я просто спросил.

— А я просто ответил.

Рольф хмыкнул и поправил воротник.

Хенрик вывел нужный режим. Двигатель изменил тональность, ниже загудел привод. На экране поползли цифры.

Кай стоял рядом, не касаясь пульта.

— Ещё чуть-чуть.

Хенрик изменил настройку.

— Так?

— Да. Держи.

Несколько секунд все смотрели на показания. Из глубины конструкции шёл низкий ровный гул, поверх которого поскрипывали крепления. Ветер бил в защитный экран и заставлял его дрожать.

— Момент вниз пошёл, — сказал Йонас.

— Вижу.

— Не быстро.

— Нам быстро и не надо.

Кай нагнулся к экрану.

— Хенрик, попробуй теперь на малой подаче. Совсем немного.

Хенрик положил руку на рычаг.

Машина отозвалась коротким натужным звуком. Цифры поднялись, задержались и медленно опустились.

— Стоп подачу, — сказал Кай.

Хенрик остановил.

Кай помолчал, глядя на график.

— Ладно. Уже лучше. Но дальше так не полезем.

Рольф повернулся к нему.

— Можно ещё раз попробовать. Может, пройдем.

— Можно. А можно потом полдня доставать то, что мы там оставим. Тебе какой вариант нравится?

— Мне нравится закончить до ужина.

— Мне тоже. Поэтому сейчас не спешим.

Оскар подошёл с фонарём.

— На обратке всё ровно. Ничего нового.

— Хорошо. Берём пробу, смотрим, что вытащили. Потом решим, менять ли режим.

Хенрик выключил подачу окончательно. Гул стал ровнее.

Рольф уже направился к лестнице, когда Кай окликнул его:

— И перчатки поменяй.

— Что?

— Правую. У тебя на большом пальце шов разошёлся.

Рольф поднял руку, посмотрел на перчатку.

— Да там ерунда.

— На улице минус тридцать четыре. Ерунда у тебя через десять минут к пальцу примерзнет. Иди поменяй.

— Есть, мамочка.

— Пожалуйста, сыночек.

Оскар заржал. Рольф показал Каю средний палец здоровой перчаткой и пошёл вниз.

К полудню ветер усилился.

Снег не столько падал, сколько непрерывно перемещался по площадке, забивался в стыки настилов и ложился на инструменты тонкой сухой пылью. Металлические рукоятки приходилось брать осторожно: даже через рабочие перчатки холод чувствовался почти сразу.

На двадцать первой буровой сменили режим проходки.

Пробу из скважины разложили на поддоне в тёплом контейнере, посмотрели фракции, сравнили с предыдущими. В одном из образцов оказалось больше крупного материала, чем ожидали.

Кай стоял над поддоном, уперев руки в край стола. Рядом Йонас листал журнал.

— Вот здесь, — сказал Рольф и указал отвёрткой на кучку серо-бурых обломков. — Это с того момента, когда у нас первый раз потяжелело.

Кай взял один кусок, повернул его в пальцах.

— А это уже после остановки?

— Да.

— Много таких?

— Несколько. Я отдельно собрал.

— Правильно сделал.

Йонас подвинул журнал.

— По прошлой скважине этот интервал выглядел иначе.

— На сколько она в стороне?

— Чуть больше двадцати метров.

— Двадцать метров здесь — уже другая история.

Кай положил образец обратно.

— Давайте так. Проходим короткими участками, снимаем показания чаще. Если опять полезет момент — останавливаемся и разбираемся. Не давим через силу.

Рольф кивнул.

— Понял.

— И запишите, где именно состав поменялся. Не «где-то после обеда», а по глубине.

— Запишем.

Из угла контейнера донёлся громкий щелчок электрического чайника. Оскар, который последние несколько минут грел руки о бумажный стакан, поднял голову.

— Кто-нибудь кофе будет?

— Я, — сказал Йонас.

— Мне тоже, — отозвался Хенрик.

— А мне что, самому себе наливать? — спросил Кай.

Оскар посмотрел на него.

— Ты начальник. Тебе нельзя кофе. Тебе положено питаться

чужими страданиями.

— Тогда подойди поближе. Я сегодня ещё не завтракал как следует.

Оскар отступил на шаг.

— Не, я женатый человек.

— И что?

— Жена расстроится.

— Из-за тебя?

— Из-за страховки.

Хенрик засмеялся, не отрывая взгляда от журнала.

Оскар разлил кофе по стаканам. Кай взял свой, прислонился бедром к краю стола и сделал осторожный глоток.

— Сахар где?

— Закончился.

— Совсем?

— Здесь да. В столовой есть.

Кай посмотрел на стакан.

— У нас объект за хрен знает сколько миллионов, а сахар до буровой довезти не можем.

— Могу записать в журнал неисправностей, — предложил Йонас.

— Запиши. Критический отказ системы жизнеобеспечения руководителя.

Рольф захлопнул крышку контейнера с образцами.

— А мне казалось, ты и без сахара достаточно сладкий.

— Ещё слово — и пойдёшь проверять крепления на дальнем конце площадки.

— Всё, молчу.

Кай допил кофе, поставил стакан в урну и застегнул куртку.

— Ладно, пошли. Световой день за нас работать не будет.

В техническом модуле было жарко.

У входа стоял ряд ботинок, на решётке под ними таял снег. Воздух пах нагретым пластиком, кофе и мокрой шерстью. За перегородкой гудел вентиляционный блок.

Йонас сидел за столом, сверяя записи с экранами. Кай стоял рядом, опираясь одной рукой на спинку свободного стула.

— По двадцать первой пока нормально, — сказал Йонас.

— После смены режима момент держится в пределах.

— До вечера посмотрим. Если начнёт повторяться, завтра с утра пересмотрим план.

— Хорошо.

Йонас перелистнул страницу блокнота.

— И ещё. Авель просила окно на измерения. По первой скважине, где термисторы стоят. Завтра после обеда ей под-
ходит.

— Сколько времени?

— Сорок минут. Может, час, если с подготовкой.

— Там кто-нибудь работает?

— Нет. Планового обслуживания нет до четверга.

— Тогда пусть работает.

Йонас поднял глаза.

— Я ей скажу.

— Угу.

Кай взял со стола распечатку, пробежал взглядом несколько строк.

— Это что?

— Сравнение по обогреву. После вчерашнего скачка.

— А, вижу.

Он положил лист обратно.

— Ей кто-нибудь нужен?

— Просила помочь с катушкой, когда будет переносить оборудование. Одного человека на десять минут.

— Кто свободен?

— Маттиас после обеда должен закончить на складе.

— Пусть поможет.

— Хорошо.

Йонас сделал пометку.

Кай прошёл к стенду с графиками. На одном из листов красным карандашом была обведена узкая полоса.

— А здесь что за провал?

— Датчик два раза отваливался. Я проверил питание. Контакт в разъёме.

— Заменяли?

— Да. Старый отложил, покажу потом.

— Покажи. Не хочу, чтобы эта хуйня снова вылезла через неделю.

Они ещё несколько минут говорили о сменных деталях, обогреве кабельных линий и графике обслуживания. Йонас зачеркнул два пункта в блокноте, добавил третий. Кай позвонил на склад, уточнил остаток крепежа, выслушал ответ и велел не вскрывать резервную упаковку без необходимости.

Потом Йонас закрыл журнал.

— Всё?

— Пока да.

— Ты ужинать пойдёшь?

— Позже. Сначала к Хенрику зайду.

— Я тогда данные отправлю.

Кай взял со стола шапку.

— Отправляй.

Он уже открыл дверь, когда Йонас окликнул его:

— Кай.

— Чего?

— Ты к Авель сегодня заходил?

— Заходил.

— Она после тебя спрашивала, нет ли у нас запасных креплений для её кабеля.

— И что?

— Я дал.

— Молодец.

Йонас помедлил.

— Она сказала, ты ей работать мешал.

Кай посмотрел на него.

— Прямо так и сказала?

— Нет. Спросила, можно ли на время измерений закрыть тепляк изнутри.

Кай коротко рассмеялся.

— Можно. Если не забудет ключ.

— Я ей так и сказал.

— Ну и всё.

Он вышел в коридор, и дверь закрылась.

Вечером в столовой пахло тушёным мясом, луком и свежим хлебом.

За окнами давно стемнело. Ветер то затихал, то с новой силой бил по наружной обшивке, заставляя негромко дрожать стекло. У раздаточного окна образовалась очередь из людей в свитерах и флисовых кофтах. Кто-то пришёл после

смены, кто-то собирался заступать на ночное дежурство.

Кай сидел за столом с Хенриком, Оскаром и Маттиасом. Перед ним стояла почти пустая тарелка. Он слушал, как Маттиас рассказывает о машине, которую купил перед отъездом.

— Я жене фотографии отправил, — говорил Маттиас. — Она пишет:

«Почему она такая тёмная?»

— Потому что синяя? — предположил Оскар.

— Я ей так и ответил.

— И?

— Она сказала, что я мог купить нормальную.

Хенрик отломил кусок хлеба.

— А нормальная — это какая?

— Не знаю. Я спросил. Она прислала фотографию красной.

— Так купи красную, — сказал Кай.

— Эту куда?

— Мне отдай.

— За сколько?

— Бесплатно. Ты же от проблемы избавляешься.

Маттиас покачал головой.

— С тобой нельзя разговаривать.

— Можно. Только дорого.

За соседним столом кто-то громко позвал Стена. Тот поднял руку, не переставая жевать. В углу работал телевизор без

звука; на экране показывали прогноз погоды, потом рекламу.

Зара вошла в столовую с папкой под мышкой. Она оставилась у входа, сняла с рукава прилипшую нитку и подошла к раздаче.

— Добрый вечер, — сказала она повару.

— Добрый, Зара. Мясо будешь?

— Да, пожалуйста. Только немного.

— Картошку?

— Можно побольше картошки.

— Вот это правильный разговор.

Она взяла поднос и оглядела зал. За одним из столов Рольф с Куртом подвинули свободный стул. Рольф махнул ей рукой.

— Зара, сюда!

— Спасибо.

Она поставила поднос, положила папку на соседний свободный стул и села.

Кай заметил её, когда Оскар рассказывал, как на прошлой смене потерял в снегу нож и нашёл его только через три дня.

— А чего ты его там вообще оставил? — спросил Хенрик.

— Я не оставил. Он выпал.

— Из кармана?

— Из чехла.

— Хороший чехол, — сказал Кай.

— Отличный. Теперь у меня другой.

Кай отодвинул тарелку и взял кружку.

За соседним столом Зара о чём-то разговаривала с Куртом. Она раскрыла папку, показала ему лист с таблицей. Курт придвинулся, посмотрел и что-то спросил. Зара провела пальцем по строке, объясняя.

— Авель! — позвал Кай.

Она подняла голову.

— Да?

— Ты поела?

Зара посмотрела на свою тарелку.

— Пока нет.

— Тогда ешь. Остынет.

Оскар повернулся к нему.

— Ты теперь за питанием следишь?

— Ага. Всех откормлю и продам.

— Меня не купят, — сказал Хенрик.

— Тебя оставлю. Ты полезный.

Зара опустила взгляд к тарелке. Рольф что-то сказал ей вполголоса; она улыбнулась и взяла вилку.

Кай допил чай.

— Ладно, мужики. Я пошёл.

— Ты на буровую ещё? — спросил Хенрик.

— Загляну на десять минут.

— Я там через полчаса буду.

— Не торопись. Поешь нормально.

Кай поднялся, отнёс тарелку и кружку к окну возврата посуды и

вышел.

В первом жилом модуле после десяти вечера стало тихо.

За стеной негромко работала вентиляция. Иногда в коридоре проходили люди: хлопала дверь, скрипели подошвы по покрытию, слышался короткий разговор. Потом всё снова стихало.

На двери четырнадцатой комнаты висела небольшая бумажка с напечатанным номером. Под ней кто-то прикрепил прозрачный кармашек для фамилии, но он пока оставался пустым.

Внутри Зара сидела на кровати с книгой. Рядом на тумбочке стояла кружка чая. На столе лежали ноутбук, зарядное устройство, несколько распечаток и толстая тетрадь. В открытом шкафу висели две куртки; на нижней полке стояли аккуратно составленные ботинки.

Она дочитала страницу, заложила её бумажной полоской и положила книгу на тумбочку.

Потом взяла телефон.

На экране один за другим появились будильники:

0620.

0625.

0630.

0635.

Зара посмотрела на список, добавила ещё один на 0640 и поставила телефон на зарядку.

Из ванной донёсся шум воды.

Через несколько минут она вышла, выключила верхний свет и легла. Лампа возле кровати ещё некоторое время освещала край одеяла, книгу и кружку.

Потом погасла и она.

В шесть утра в коридоре первого жилого модуля горел дежурный свет.

За окнами было совершенно темно. Снаружи выл ветер, и время от времени по обшивке шуршал сухой снег. Отопление работало ровно; возле потолка негромко гудела вентиляция.

Кай вышел из своей комнаты уже одетый. В одной руке он держал кружку с кофе, в другой — связку ключей.

Он прошёл по коридору, остановился возле четырнадцатой двери и посмотрел на номер.

Поставил кружку на широкий подоконник напротив, перебрал ключи и вставил один в замок.

Ключ повернулся с коротким металлическим щелчком.

Кай открыл дверь.

В комнате было темно и тихо. На столе едва заметно светился индикатор зарядного устройства. Под одеялом у стены виднелась неподвижная фигура; на подушке рассыпались тёмно-рыжие волосы.

Кай вошёл и включил верхний свет.

— Балтазар. Подъём.

Зара не пошевелилась.

Он закрыл за собой дверь.

— Авель.

Из-под одеяла донеслось невнятное:

— М-м...

— Вставай. Одевайся, завтракать.

Она медленно повернула голову, уткнулась лицом в подушку и натянула одеяло выше плеч.

Кай подошёл к кровати.

— Ты слышала?

— Угу...

— Что я сказал?

Пауза затянулась.

— М-м...

— Очень содержательно.

Он посмотрел на телефон, лежавший на тумбочке, потом на часы у себя на запястье.

— Шесть ноль две. У тебя ещё ни один будильник не звонил.

Зара приоткрыла один глаз.

— Что?..

— Будильники. У тебя их сколько?

Она закрыла глаз.

— Не знаю...

Кай взял телефон с тумбочки, посмотрел на экран блокировки и положил обратно.

— Пять штук. Ты что, каждое утро себя из комы вытаскиваешь?

— Угу...

— Ясно.

Он отодвинул стул от стола и сел, вытянув ноги.

Некоторое время было слышно только вентиляцию.

Зара лежала неподвижно.

— Балтазар.

— М-м?

— Не спи.

— Я не...

Она не договорила.

Кай посмотрел на неё.

— Ты сейчас уснула посреди фразы?

Ответа не последовало.

Он поднялся, подошёл к окну и раздвинул плотные шторы. За стеклом всё равно была темнота; только вдали светились прожекторы буровой, а в их лучах летел снег.

— Красота, — сказал Кай. — Полярное утро. Солнце, птички, свежий воздух.

Зара тихо простонала.

— Господи...

— Его тут нет. Есть я.

Он вернулся к стулу.

— Вставай.

Она приподняла голову.

Несколько секунд смотрела на него, не моргая. Потом перевела взгляд на дверь, на окно, снова на Кая.

— Кай?..

— Он самый.

— А... что случилось?

— Ничего.

— Что?..

— Ничего не случилось.

Зара медленно опустила голову обратно на подушку.

— Тогда зачем...

— Будить тебя пришёл.

— Зачем?..

— Завтракать.

Она потянулась рукой к телефону, промахнулась мимо тумбочки, нащупала край и наконец взяла аппарат.

Экран загорелся.

Зара поднесла его ближе к лицу, прищурилась.

— Шесть?..

— Да.

Она ещё раз посмотрела на цифры.

— Шесть утра?

— Нет, вечера. Ты проспала весь день.

— Не может быть...

— Может.

Зара положила телефон на одеяло. Он соскользнул к её боку.

— Мне только в шесть двадцать вставать...

— Уже встала.

— Нет...

— Я вижу.

Она натянула одеяло на голову.

Кай подождал несколько секунд.

— Балтазар.

Тишина.

— Авель.

Из-под одеяла:

— Ну что?..

— Ты собираешься вставать?

— Да...

— Когда?

— Сейчас...

Прошла минута.

Кай посмотрел на часы.

— У тебя интересное представление о слове «сейчас».

Одеяло слегка шевельнулось.

— Кай...

— Что?

— Пожалуйста...

— Чего?

— Не знаю...

Он рассмеялся.

— Прекрасно. Вот это разговор.

Кай встал, подошёл к столу и посмотрел на лежащие там распечатки. Верхний лист был исписан мелкими пометками.

Рядом лежала ручка, поверх тетради — сложенный лист с графиком.

Он не стал ничего трогать.

— У тебя вчера измерения нормально прошли?

— М-м...

— Балтазар, вопрос был.

— Какие?..

— Измерения.

— А...

Она помолчала.

— Да...

— Уже хорошо.

Он снова сел.

Зара высунула из-под одеяла руку и нащупала телефон. Экран снова загорелся.

— Шесть ноль семь...

— Верно.

— Кай, почему вы здесь?

— Я же сказал. Бужу тебя.

Она нахмурилась, словно слова не сразу складывались в понятную фразу.

— Но... как вы вошли?

— Через дверь.

— Она закрыта...

— Была.

Зара медленно повернула голову к нему.

— У вас ключ?

— Есть.

— От моей комнаты?

— От всех комнат.

Она смотрела на него ещё несколько секунд.

Потом закрыла глаза.

— Господи боже...

— Опять не угадала.

Зара подтянула одеяло к подбородку.

— Кай, пожалуйста, выйдите.

— Вставай.

— Я встану...

— Ну так вставай.

— Я ещё не проснулась.

Она села, опираясь ладонью на матрас. Волосы падали ей на лицо. Зара убрала их назад, потом остановилась, прикрыв глаза рукой.

Кай наблюдал за ней со стула.

— О, процесс пошёл.

— Не разговаривайте со мной...

— Почему?

— Потому что я сплю.

— Уже нет.

— Что...

Она помолчала.

— Сколько сейчас времени?

Он посмотрел на часы.

— Шесть десять.

Зара повернулась к телефону, включила экран, проверила.

— Зачем вы меня так рано разбудили?

— Чтобы ты успела одеться и позавтракать.

— Я успеваю...

— Вот и отлично.

Она опустила ноги на пол, нащупала тапочки. Один оказался под кроватью. Зара потянулась за ним, едва не уронив телефон, и села обратно.

— Мне надо в ванную.

— Иди.

Она посмотрела на него.

— Вы можете выйти?

— Могу.

Кай остался сидеть.

Зара несколько секунд ждала.

— Кай...

— М-м?

— Выйдите, пожалуйста.

— Туалет вон там.

Он кивнул на дверь ванной.

— Я знаю, где туалет.

— Тогда чего сидишь?

— Потому что вы здесь.

— И?

Она потёрла лицо ладонями.

— Я хочу в туалет. И хочу, чтобы вы вышли из моей комнаты.

— А я тебе мешаю?

Зара медленно убрала руки от лица.

— Да.

— Чем?

— Тем, что вы сидите у меня в спальне в шесть утра!

Кай улыбнулся.

— Уже лучше. Просыпаешься.

Она посмотрела на него несколько секунд, не моргая.

— Вы специально это делаете?

— Конечно.

Зара открыла рот, но ничего не сказала. Потом встала, поправила край длинной домашней футболки и взяла с кровати халат.

— Кай, я сейчас пойду в ванную. Пожалуйста, выйдите.

— Иди, Балтазар. Я тебе не мешаю.

— Вы мне очень мешаете.

— Дверь закрывается.

Она посмотрела на дверь ванной, потом на Кая.

— Ну вы и козёл.

— Это я уже слышал.

— С вами невозможно.

— А ты попробуй.

Зара надела халат, затянула пояс и прошла к ванной. На пороге остановилась.

— Вы точно не уйдёте?

Кай сидел, вытянув ноги, и смотрел на неё.

Она закрыла за собой дверь.

Щёлкнула защёлка.

Кай посидел ещё несколько секунд, посмотрел на часы и поднялся.

Подошёл к двери комнаты, открыл её.

— Всё, Балтазар, я пошёл. Завтрак в семь.

Он вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Д

Глава Д

К вечеру пятницы связь стала лучше. Зара проверила её ещё до ужина: открыла на ноутбуке страницу прогноза, дождалась, пока загрузится карта, и отправила Норе короткое сообщение.

Ответ пришёл через две минуты.

«После девяти будем дома. Ян обещал уложить детей. Не верь ему».

Зара отправила смеющийся смайлик и закрыла ноутбук.

В половине десятого она уже сидела на кровати, подложив под спину две подушки. На коленях лежал ноутбук, рядом стояла кружка чая и открытая пачка солёного печенья. После переезда в четырнадцатую комнату вещи успели занять привычные места: книги стояли на узкой полке, заряд-

ные устройства лежали в коробке на столе, на спинке стула висел шерстяной кардиган. Возле двери сушились носки.

Зара нажала кнопку видеозвонка. Сначала на экране появилось собственное лицо, освещённое настольной лампой. Потом картинка мигнула, и вместо него возникла половина Яновой головы.

— Алло.

— Ян, у тебя очень красивое ухо.

— Спасибо.

— Я давно хотела тебе это сказать.

— Сейчас.

Камера качнулась, показала потолок, шкаф, чью-то руку и наконец остановилась на кухонном столе. Ян сел напротив. На нём была серая футболка, волосы торчали на затылке.

— Так лучше?

— Теперь я вижу оба. Роскошь.

— Нора! — позвал он куда-то в сторону. — Зара на связи.

Из соседней комнаты донеслось:

— Я слышу! Бегу!

Ян взял со стола стакан воды.

— Как ты?

— Хорошо. А ты?

— Нормально.

— Дети спят?

Он посмотрел в сторону двери.

— Один.

— А второй?

— Второй считает, что спать — это нарушение его гражданских прав.

— Который?

— Угадай.

Зара рассмеялась.

— Я даже попробовать не буду.

В кадре появилась Нора. На футболке виднелось мокрое пятно.

— Привет, моя дорогая!

— Привет. Что у тебя с футболкой?

Нора посмотрела на плечо.

— Вода.

— Чья?

— По официальной версии — ничья.

— Понятно.

Нора наклонилась к экрану, прищурилась.

— Ты что, похудела?

— Нет.

— А выглядишь.

— Это освещение. Я специально поставила лампу так, чтобы вы оба завидовали.

— Не получится, — сказал Ян. — У тебя за спиной носок висит.

Зара обернулась.

— Где?

— Справа.

— Это не носок, это часть интерьера.

— Очень северный дизайн, — сказала Нора.

Она села рядом с мужем и потянула к себе его стакан.

— Ты почему мне не налил?

— Ты не просила.

— Мы сколько лет женаты?

— Достаточно, чтобы ты научилась просить воду.

Нора посмотрела на Зару.

— Видишь, что мне приходится терпеть?

— Вижу. Ужасный человек. Я ещё в первом классе говорила, что он подозрительный.

— В первом классе ты у него карандаш украла, — напомнил Ян.

— Не украла. Одолжила.

— На двадцать восемь лет?

— Ян, не будь мелочным.

Зара взяла печенье.

— Между прочим, ты мне до сих пор должен ластик.

Ян опустил стакан.

— Какой ещё ластик?

— Белый. С зелёной полосой. Во втором классе.

— Господи.

— Вот именно. Долги надо возвращать вовремя.

Нора захохотала.

— Ты помнишь ластик из второго класса?

— Конечно. Он был хороший. А этот гад его сгрыз.

— Я не грыз твой ластик!

— Ян, там были следы зубов. Ты был единственным человеком в классе, который жевал колпачки от ручек.

— Я перестал.

— К девятому, — сказала Нора.

Ян поднялся.

— Я принесу себе ещё воды. С вами невозможно.

Когда он ушёл, Нора придвинулась ближе к экрану.

— Ну, рассказывай. Как ты там?

— Нормально. Тепло, кормят, не бьют.

— Уже неплохо.

— Я теперь живу в другом модуле. Здесь тише. Душ свой, туалет свой. И комната побольше.

— Ты показывала. Хорошая комната.

— Да. Я уже обжилась.

— Окно открывается?

— Чуть-чуть. Но открывать сейчас особо не хочется.

— Сколько у вас?

— Сегодня утром тридцать два было. Днём не смотрела.

Нора поёжилась.

— Даже слушать противно.

— А у вас?

— Плюс четыре. Дождь. У нас под окном лужа размером с небольшое государство.

— Скажи детям, что это море.

— Они уже запускали туда корабль.

— Какой?

— Мой контейнер для еды.

Зара засмеялась.

— И как плавание?

— Успешно. Контейнер утонул, капитаны выжили.

Вернулся Ян с двумя стаканами. Один поставил перед Норой, второй оставил себе.

— Кстати, — сказал он, усаживаясь, — родителям звонила?

— В среду звонила. Папа опять собирается что-то перестраивать на даче.

— Что именно?

— Веранду.

Нора закатила глаза.

— Опять?

— Теперь ему не нравится крыша.

— Он её в прошлом году делал!

— Вот за год успел присмотреться.

Ян кивнул.

— Бывает.

— Не поддерживай его, — сказала Нора. — У человека уже четвёртая версия веранды.

— Зато есть чем заняться.

Из глубины квартиры донёсся детский голос:

— Ма-а-ам!

Нора закрыла глаза.

— Ну конечно.

— Я схожу, — сказал Ян.

Он вышел из кухни. Нора повернулась к Заре.

— Так. Пока он там. Ты как вообще? Не скучаешь?

— Не особо. Народу много, всегда кто-нибудь рядом. Вечером в гостиной собираются. Карты, телевизор, разговоры.

— Мужики нормальные?

— Да. В основном хорошие ребята. Рольф смешной, Оскар вообще не затыкается. Хенрик спокойный. Йонас хороший.

Зара положила печенье обратно в пачку.

— А вот начальник мурак.

Нора посмотрела на неё поверх стакана.

— Всё ещё?

Зара засмеялась.

— Нора, ты не представляешь, какое это редкостное произведение природы.

— Что, опять?

— Он не прекращал.

— Серьёзно?

— Абсолютно. Причём я уже поняла систему. Ему скучно. Он развлекается. У него, видимо, рабочий график такой: бурение,

совещание, довести Авель до белого каления, обед.

— А после обеда?

— Закрепление материала.

Нора прыснула водой.

— Господи, Зара!

— Я тебе серьёзно говорю. У него это прямо отдельный вид спорта. И он уверен, что олимпийский чемпион. А я, видимо, спортивный снаряд.

Нора рассмеялась громче.

— Нет, ну он же не может всё время этим заниматься.

— Он и не занимается всё время. В том-то и прелесть! Он может весь день нормально работать, разговаривать с людьми, заниматься своими делами. А потом у него появляются свободные три минуты — и всё, здравствуй, Балтазар, давно не виделись.

— Ты ему уже говорила, что он мудака?

— Конечно.

— В лицо?

— Почти. Два раза назвала козлиной, он услышал.

— И?

— Обрадовался, по-моему.

— Боже, какой придурок.

— Я тебе больше скажу. Он теперь явно пытается добиться, чтобы я не просто его послала, а прямо красиво, с чувством, с криком и битьём посуды.

— Так устрой ему.

— Не дождётся.

— Почему?

— Из принципа. Потому что он тогда будет счастлив.
Представляешь эту довольную рожу?

— Я её не видела.

— И слава богу. Я тебе потом нарисую. Там главное — самодовольство. Остальное можно не прорисовывать.

Нора засмеялась.

— А что он ещё сделал?

Зара подтянула ноги под одеяло.

— Вчера, например, я пошла за чаем. Просто за чаем, Нора. Я никого не трогала. Стою возле чайника, жду, пока вода закипит. Заходит этот засранец.

— И?

— И начинает спрашивать, почему я пью чай без сахара.

— Что?

— Вот именно. Почему без сахара. Я говорю: «Потому что мне так нравится». Он говорит: «А если положить сахар?» Я говорю: «Тогда будет чай с сахаром». Он спрашивает: «А ты пробовала?»

Нора уже смеялась.

— Нет!

— Да! Я говорю: «Кай, вы сейчас серьезно?» А он с таким лицом: «Я пытаюсь понять твои пищевые привычки, Авель».

— Зачем?!

— Нора, я не знаю! Мне кажется, он сам не знает. Ему главное, чтобы я с ним разговаривала, когда не хочу.

— И чем кончилось?

— Я налила чай и ушла.

— А он?

— Спросил вслед, не хочу ли я попробовать мёд.

Нора уронила голову на сложенные руки.

— Господи, редкостный гад!

— Причём сегодня за ужином он совершенно нормально обсуждал с мужиками какие-то их дела, смеялся, рассказывал что-то. Адекватный человек. Сидит, ест. Я уже почти забыла, что он существует. А потом прохожу мимо, и он мне: «Авель, сахар нашла?»»

Нора зажала рот ладонью.

— Нет, я не могу.

— Я сказала, что да, нашла, и теперь буду хранить его под подушкой на случай чрезвычайной ситуации.

— А он?

— Сказал: «Молодец, учишься».

Нора расхохоталась так, что из соседней комнаты донеслось:

— Мам!

— Всё хорошо! — крикнула она. — Иди ложись!

Зара тоже смеялась, прикрыв лицо рукой.

— Ты понимаешь? Я уже начинаю думать, что у него в голове маленький человек сидит и дёргает за рычажки. Причём один рычажок подписан «работать», а второй — «быть мудаком».

— И второй заедает.

— Нет, Нора. Второй у него вообще без фиксатора. Он сам туда руку тянет.

В дверях появился Ян.

— Вы чего орёте?

— Мы обсуждаем начальника Зары, — сказала Нора.

Ян сел на место.

— Опять?

— Ага.

— Он ещё жив?

— Как видишь, — сказала Зара. — Мы же его обсуждаем.

Ян взял стакан.

— Дети уснули?

— Один уснул. Второй сказал, что будет думать.

— О чём?

— Не уточнил. Я не стал мешать научной работе.

Нора повернулась к Заре.

— Слушай, а мы же можем разработать для него систему наказаний.

Зара выпрямилась.

— О. Вот это уже конструктивный разговор.

Ян посмотрел на обеих.

— Нет.

— Мы ещё ничего не сказали! — возмутилась Нора.

— Я вас знаю.

— Ян, не мешай научной мысли, — сказала Зара.

— Угу.

Нора задумчиво постучала пальцами по столу.

— Значит, так. Первое наказание. Его каждое утро будят в шесть.

— Не годится, — сказала Зара. — Он сам встаёт раньше. Этот гад просыпается сразу, без будильника.

— Ненавижу таких людей.

— Я тоже. Особенно в шесть утра.

— Тогда будим его в три.

— Нора, он и в три встанет и спросит, почему мы опоздали.

— Ладно. Другое. Запираем его в комнате, где круглосуточно играет детская музыка.

— Какая?

— Самая мерзкая.

— Ян, что там дети слушали в прошлом году? — спросила Зара.

Ян поднял голову.

— Не надо.

— Вот именно её, — сказала Нора. — На повторе.

— А дверь снаружи закрыть, — добавила Зара. — И оставить ему только одну кнопку.

— Какую?

— Громкость увеличить.

Нора захохотала.

— Прекрасно!

Ян поставил стакан.

— Вы обе ненормальные.

— Подожди, мы только начали, — сказала Зара.

Нора подняла указательный палец.

— Второе наказание. Его отправляют на курсы хороших манер.

— Нет. Слишком легко. Он будет издеваться над преподавателем.

— Тогда преподаватель — ты.

Зара задумалась.

— Слушай... А ведь это уже жестоко.

— Почему?

— Представляешь? Я стою у доски, пишу: «Здравствуйте. Пожалуйста. Спасибо». А он сидит на последней парте и спрашивает, почему я не использую сахар.

Нора согнулась пополам.

— И ты его оставляешь после уроков!

— На второй год! Нора, так он его не окончит. Мы составимся, а он всё будет сидеть в первом классе и жрать мел.

Ян медленно отодвинул стул.

— Всё. Я пошёл.

— Куда? — спросила Нора.

— К детям. Там люди разумнее.

— Ян, подожди! — позвала Зара. — Мы ещё до телесных наказаний не дошли!

Он встал и вышел. Нора проводила его взглядом.

— Слабак.

— С первого класса такой, — согласилась Зара. — Значит, третье наказание.

— Слушаю.

— На целую неделю отбираем у него право командовать. Зара покачала головой.

— Нет. Он начнёт командовать жестами.

— Связываем руки.

— Будет командовать голосом.

— Заклеиваем рот.

— Нора, он тогда начнёт командовать глазами. У него очень выразительное начальственное молчание.

— Тогда надеваем ему на голову ведро.

Зара рассмеялась.

— Ведро?

— Да. Обычное оцинкованное ведро. И пишем на нём «Не беспокоить. Идёт воспитательный процесс».

— Нет, лучше «Осторожно. Начальник думает».

Нора хлопнула ладонью по столу.

— А рядом табличку: «Не кормить после полуночи»!

— Он сам себя кормит, Нора. Там всё серьёзно. Он же взрослый здоровый мужик, он это ведро снимет.

— Приварим.

— Ты предлагаешь сварочные работы на живом начальнике?

— Исключительно в воспитательных целях.

Зара откинулась на подушки, смеясь.

— Господи, как же мне этого не хватало.

— Чего?

— Тебя. И твоих педагогических методов.

— Я всегда говорила, что из меня получился бы прекрасный учитель.

— Особенно если бы детям выдавали каски.

Нора вытерла глаза.

— Ладно. Четвёртая казнь.

— У нас уже четвёртая?

— Да. Мы составляем программу.

— Тогда предлагаю самое страшное.

— Что?

Зара придвинулась к экрану и понизила голос:

— Заставить его целый день слушать самого себя.

Нора замерла. Потом медленно улыбнулась.

— О-о-о.

— Представляешь? Записываем всё, что он говорит. Абсолютно всё. А потом включаем ему в наушниках. С утра до вечера.

— И нельзя выключить!

— И нельзя перебить!

— И нельзя сказать «Балтазар»!

— Нет, Нора, «Балтазар» как раз можно. Это слово должно повторяться каждые три минуты.

Нора уже не могла говорить от смеха. Она уткнулась лицом в локоть, потом подняла голову.

— Зара, я сейчас детей разбужу!

— Тогда говори тише.

— Я не могу!

Из соседней комнаты снова донёсся Ян:

— Вы там закончили?

— Нет! — хором ответили обе.

— Я так и понял.

Нора закрыла рот обеими руками. Зара вытерла выступившую слезу краем рукава. Несколько секунд обе молчали, пытаясь отдышаться.

Потом Нора сказала:

— Слушай. А если серьёзно, ты ему прямо говорила, что он специально тебя доводит?

— Конечно.

— И?

— А что «и»? Он не отрицает. Смотрит на меня, улыбается. Я ему говорю: «Вы же специально это делаете». А он: «Конечно».

Нора покачала головой.

— Ну и скотина.

— Да. Причём честная скотина. Удобно. Никаких недо-разумений.

— А ты что?

— А я ему говорю, что он ведёт себя как пятилетний ребёнок. Только у пятилетних детей обычно есть родители, которые могут забрать у них игрушку.

— А у него?

— А у него своя буровая компания.

Нора фыркнула.

— Повезло человечеству.

— Невероятно.

Нора взяла стакан, допила воду и поставила его на стол.

— Слушай, а тебе там вообще нормально? Не считая этого придурка.

— Да. Нормально. Правда. Даже с этим придурком.

— Точно?

— Нора, я бы тебе сказала.

— Знаю.

— Работа интересная. Люди хорошие. Комната удобная. Кормят отлично.

— Ладно.

Нора потянулась за телефоном, лежавшим за пределами кадра.

— Ой, подожди. Я тебе сейчас покажу.

— Что?

— Ты помнишь Стеллу из параллельного?

— Которая на выпускном каблук сломала?

— Да!

— Конечно помню.

— Она вчера выложила фотографии.

— Какие?

— Свадебные.

Зара округлила глаза.

— Опять?!

— Зара!

— Нора, я не осуждаю. Я восхищаюсь её настойчивостью.

— Это третий муж.

— Я знаю. Второго мы ещё на вокзале видели.

— Не второго. Первого.

— Подожди. А второй был который?

Нора начала смеяться.

— Который с мотоциклом!

— А-а! Господи, точно. Я их перепутала.

— Вот смотри.

Она поднесла телефон к камере. Изображение расплылось в яркое пятно.

— Нора, я вижу три белых пикселя.

— Сейчас.

Нора убрала телефон, несколько раз нажала на экран и отправила фотографию сообщением. Ноутбук Зары коротко звякнул.

— Сейчас открою.

Она посмотрела на снимок, потом подняла брови.

— Подожди-ка, — сказала Зара и снова приблизила фотографию. — Нора, я же его знаю.

— Кого?

— Жениха. Он у нас здесь работает.

— Да ладно!

— Серьёзно. В столовой почти каждый день вижу.

Нора рассмеялась.

— Господи, как тесен мир!

— Не говори. Надо будет поздравить при случае.

— Поздравь. Стелле будет приятно.

Зара закрыла фотографию.

Разговор перескочил на бывших одноклассников, потом на учительницу математики, которая однажды заставила весь класс переписывать контрольную из-за рисунка на доске. Нора утверждала, что рисунок сделала Зара. Зара возражала, что это был Ян. Из соседней комнаты Ян крикнул, что вообще в тот день болел.

— Он всегда так говорит! — возмутилась Нора.

— Потому что это правда! — отозвался Ян.

— Ян, мы тебя помним! — крикнула Зара.

— У вас коллективная амнезия!

Потом Нора вспомнила, что обещала матери прислать фотографии детей, и начала искать их в телефоне. Зара доела печенье, налила себе ещё чаю из термоса. За стеной кто-то прошёл по коридору, негромко разговаривая по телефону.

На экране Нора показывала снимок двойняшек в одинаковых резиновых сапогах, стоящих посреди огромной лужи.

— Вот, — сказала она. — Наши мореплаватели.

— Господи, какие счастливые лица.

— Через пять минут один упал.

— Который?

— Оба. Второй решил помочь первому.

Зара засмеялась.

— Правильные дети. Действуют командой.

— Команда потом ехала домой без штанов.

— Зато с опытом.

Из-за плеча Норы показался Ян.

— Вы ещё разговариваете?

— Нет, — сказала Нора. — Мы уже час молчим.

Ян посмотрел на часы.

— У тебя там сколько?

Зара взглянула на телефон.

— Почти одиннадцать.

— Тебе завтра рано?

— Не особенно. Но я собиралась почитать.

— Тогда мы тебя отпустим.

— Спасибо, добрый человек.

Нора придвинулась к экрану.

— В воскресенье родителям позвони.

— Позвоню.

— И нам потом напиши.

— Напишу.

— И если твой начальник опять начнёт...

— Нора, я ему сообщу, что на него уже заведено дело и комиссия разрабатывает меры воздействия.

— Правильно. Международный трибунал.

— С ведром.

— Обязательно с ведром.

Ян закрыл глаза. Зара рассмеялась.

— Всё, целую вас.

— И мы тебя. Береги себя.

— Пока, Зара, — сказал Ян.

— Пока.

Экран погас.

Зара закрыла ноутбук и поставила его на стол. Потом убрала кружку, стряхнула крошки с одеяла и поднялась с кровати. На телефоне уже лежало новое сообщение от Норы.

«Пятая казнь: заставить его неделю обращаться ко всем исключительно на „вы“ и добавлять „будьте любезны“».

Зара прочитала, засмеялась и набрала ответ:

«Он скорее сожрёт ведро».

Она взяла книгу и вышла в гостиную.

К тому времени в гостиной осталось четверо. Карты уже убрали. Рольф унёс в кухню пустую миску из-под орехов, Оскар ещё минут десять спорил со Стеном о какой-то машине, потом оба ушли. Маттиас задержался у телевизора, досмотрел последние минуты передачи и тоже поднялся, пожелав спокойной ночи.

Зара осталась в кресле возле торшера. Она собиралась дочитать главу и идти спать. Глава закончилась, следующая оказалась короткой, а после неё выяснилось, что оставлять книгу на таком месте совершенно невозможно.

Зара перевернула страницу.

В другом конце комнаты на диване лежал один из мужчин из второго жилого модуля. Он смотрел фильм на планшете в наушниках, время от времени меняя положение ног. На низком столике перед ним стояла кружка. Ещё двое сидели возле телевизора, негромко обсуждая счёт какого-то матча.

За окном было темно. В стекле отражались торшер, два кресла, диван и жёлтая полоса света над кухонной дверью. За стеной ровно гудела вентиляция.

Спустя некоторое время мужчины возле телевизора поднялись. Один выключил экран, другой собрал кружки.

— Зара, ты долго ещё? — спросил Стен.

Она подняла голову.

— А сколько времени?

— Уже за одиннадцать.

— Ой. Нет, я скоро.

— Свет не забудь.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Дверь закрылась.

Мужчина с планшетом ещё немного полежал, затем снял наушники, потянулся и встал.

— Я тоже пошёл. Доброй ночи.

— Спокойной ночи.

Он забрал кружку и вышел.

Зара осталась одна. Она переложила книгу на колени, потянулась к чашке, обнаружила, что чай давно закончился, и

решила не вставать. До конца главы оставалось страниц восемь.

Через несколько минут дверь снова открылась. Вошёл мужчина в тёмной толстовке и рабочих брюках. Зара видела его за завтраком и несколько раз возле второго модуля, но имени не помнила. Он был среднего роста, широкоплечий, с коротко стриженными светлыми волосами.

Он остановился у двери, придерживаясь рукой за косяк.

— О. А тут ещё кто-то есть.

Зара посмотрела на него.

— Добрый вечер.

— Добрый.

Он сделал несколько шагов к дивану. На повороте задел бедром край стола, тот сдвинулся по полу.

— Блядь.

Зара опустила глаза к книге. Мужчина сел на диван, широко расставив ноги. Некоторое время смотрел на выключенный

телевизор.

— А чё не спишь?

— Читаю.

— Вижу. Я спрашиваю, почему не спишь.

— Зачиталась.

— А-а.

Он кивнул, потёр лицо ладонями.

— А я вот тоже не сплю.

Зара перевернула страницу.

— Бывает.

— Ты эта... учёная, да?

— Да.

— Мёрзлую землю изучаешь?

— В том числе.

— Охуеть.

Он засмеялся. Смех получился коротким, хриплым. Зара подняла на него глаза. Мужчина сидел, опираясь локтями на колени. Лицо у него покраснело, глаза блестели. Когда он заговорил снова, слова слипались.

— А чё там изучать? Замёрзла — и замёрзла.

— Там довольно много всего.

— Да ладно.

Он снова засмеялся и поднялся.

Зара проследила, как он обошёл стол. Его качнуло, он остановился, затем пошёл к креслам.

— Покажи, чё читаешь.

Она повернула обложку.

— Роман.

Он наклонился. От него пахло спиртным.

— А-а. Я такое не читаю.

— Понятно.

— Скучно, наверное, одной?

— Нет, спасибо. Мне хорошо.

Он рассмеялся.

— Чего «спасибо»? Я ж ничего не предлагаю.

Зара закрыла книгу, оставив палец между страницами.

— Я не говорила, что предлагаете.

— Ну вот и отлично.

Он опустился во второе кресло. Прوماхнулся мимо подлокотника рукой, выругался и устроился глубже.

— Ты симпатичная, кстати.

— Спасибо.

— Нет, правда.

Зара взяла со столика закладку.

— Я поняла.

— А чего такая серьёзная?

— Поздно уже.

— И чё?

— Я собираюсь спать.

Она вложила закладку, закрыла книгу и встала.

Мужчина тоже поднялся.

— Да посиди ты. Чего убегаешь?

— Я не убегаю. Спокойной ночи.

Она обошла кресло. Он шагнул навстречу и взял её за запястье.

— Подожди. Мы же разговариваем.

Зара остановилась.

— Отпустите, пожалуйста.

— Да я ж просто...

— Руку отпустите.

Он посмотрел на свою ладонь, потом на неё.

— Чего ты сразу?

Зара потянула руку к себе.

— Потому что я хочу уйти.

Пальцы разжались. Она отступила на шаг, поправила рукав и взяла книгу другой рукой.

В этот момент открылась дверь. В гостиную вошли Хенрик, Йонас и Кай. Хенрик нёс папку с бумагами, Йонас — пустую кружку. Кай шёл последним. Они ещё продолжали разговор, начатый в коридоре.

— Тогда утром снимем показания до запуска, — говорил Йонас.

— Снимем, — ответил Кай. — Только сначала проверь питание на втором канале.

Он посмотрел в сторону кресел. Мужчина возле Зары повернулся к вошедшим.

— О, начальство.

Хенрик остановился. Кай сделал ещё два шага.

— Ты что здесь делаешь?

— Сижу.

— Вижу.

Мужчина хмыкнул. Кай посмотрел на него внимательнее.

— Подойди.

— Зачем?

— Подойди, я сказал.

Мужчина сделал шаг, потом второй. Остановился возле

стола. Кай не двигался.

— Дыхни.

— Чего?

— Дыхни, блядь.

Мужчина усмехнулся.

— Да ладно тебе.

Хенрик медленно положил папку на ближайшую тумбу.

— Ты пил? — спросил Кай.

— Немного.

— Сколько?

— Да нормально всё.

— Я спросил, сколько.

— Пару стаканов.

— Чего?

— Водки.

В комнате стало тихо. Йонас поставил кружку на стол у двери.

Кай смотрел на мужчину.

— Откуда?

— Ну... была.

— Откуда, блядь, водка?

— С собой привёз.

— Когда?

— Да какая разница?

Кай шагнул к нему.

— Какая разница?

— Я сегодня не работал. Выходной у меня. Я никого не трогал.

— Ты сюда алкоголь привёз?

— Ну привёз. И что?

Кай схватил его за грудь толстовки.

— Ты охуел?

Мужчина дёрнулся.

— Руки убери, сука!

Кай толкнул его назад. Тот ударился спиной о край дивана, едва удержался на ногах.

— Ты, блядь, на каком объекте находишься?

— Да пошёл ты, гнида!

Хенрик шагнул вперёд.

— Кай.

— Стоять.

Кай не повернул головы. Мужчина выпрямился, поправил толстовку.

— Ты мне не отец, понял? Я выпил в свой выходной. К работе не подходил. Чего доебался?

Кай снова схватил его. На этот раз он ударил его в лицо. Звук получился короткий, сухой. Мужчина отшатнулся, налетел на столик. Тот перевернулся, пустая чашка покатилась по полу.

— Кай! — резко сказал Хенрик.

Мужчина попытался ударить в ответ. Кай перехватил его руку,

рванул к себе и ударил ещё раз.

Йонас двинулся к ним.

— Хватит, Кай!

Кай оттолкнул пьяного к дивану. Тот упал на сиденье, но тут же начал подниматься.

— Я тебе, сука...

Кай шагнул следом.

Зара стояла у кресла с книгой в руке. Она уже отступила к торшеру. Когда Кай снова схватил мужчину, она сделала шаг вперёд.

— Кай, хватит. Он же пьяный, с ним сейчас бесполезно разговаривать.

Она коснулась его предплечья. Кай резко развернулся.

— Отъебись!

Он отшвырнул её рукой.

Зара потеряла равновесие, отступила назад, зацепилась ногой за край ковра и рухнула в кресло. Книга вылетела из руки, ударилась об пол и раскрылась страницами вниз. Кресло сдвинулось и стукнуло ножкой о стену.

Кай уже отвернулся. Хенрик схватил его за плечо.

— Всё, блядь! Хватит!

Кай развернулся и ударил Хенрика локтем. Тот отступил, задел стол, но сразу вернулся.

— Йонас, забирай его!

Йонас потянул пьяного с дивана к двери.

— Пошёл, блядь. Быстро.

— Да я ему сейчас...

— Заткнись и пошёл!

Мужчина вырывался, пытался повернуться обратно. Йонас держал его за ворот и локоть.

Кай рванулся к ним. Хенрик встал перед ним.

— Кай, всё!

Кай ударил его в грудь обеими руками. Хенрик отлетел на шаг, но удержался.

— Убери, блядь, руки!

— Он уже уходит!

— Я сказал, убери, нахуй, его отсюда!

— Убираем!

Йонас дотащил мужчину до двери. Тот споткнулся о порог, ухватился за косяк, выругался.

В коридоре послышались шаги.

— Оскар! — крикнул Йонас. — Сюда!

Кай снова двинулся к двери. Хенрик перехватил его поперёк груди. Кай рванулся, сбил его руку, ударил кулаком по дверному косяку.

— Сука!

В коридоре появился Оскар. Он посмотрел на окровавленное лицо мужчины, на Йонаса, затем в гостиную.

— Что случилось?

— Потом! — отрезал Йонас. — Помоги довести до медпункта.

Оскар подхватил мужчину с другой стороны.

— Пошли.

— Да отпустите вы меня! Совсем охуели!

— Идём, блядь!

Они увели его по коридору.

Хенрик остался в дверях. У него была рассечена губа, на футболке виднелось тёмное пятно.

Кай стоял посреди гостиной, тяжело дыша. Правая рука была сжата в кулак.

— Он завтра к установке не подойдёт, — сказал Хенрик.

— Он вообще, блядь, ни к чему здесь не подойдёт!

— Я понял.

— Следующим вертолётom нахуй отсюда!

— Да.

— Всё, Хенрик. Убери его от меня.

Хенрик посмотрел на Зару. Она сидела в кресле, держась обеими руками за подлокотники. Ноги стояли рядом, ступни прижаты к полу. Книга лежала возле её ботинка.

— Зара, ты как?

Она быстро кивнула.

— Нормально.

— Ударилась?

— Нет. Нет.

Хенрик посмотрел на Кая.

— Я схожу в медпункт. Потом вернусь.

— Иди, блядь.

Хенрик вышел. Дверь закрылась.

Кай прошёл к столу, поднял перевернутый столик за край, поставил на место. Чашку с пола не поднял. Потом резко отодвинул стул и прошёл к кухонной двери.

— Блядь.

Он вернулся, остановился у окна. Потёр ладонью лицо, опустил руку.

Зара медленно наклонилась за книгой. Кай повернулся на звук. Она подняла книгу, разгладила загнувшуюся обложку. Осторожно встала. Кресло заскрипело.

— Авель.

Зара замерла.

— Сидеть.

— Кай, я лучше пойду к себе...

Он с размаху ударил кулаком по столу. Чашка подпрыгнула, ударилась о блюдце и покатилась к краю.

— Я СКАЗАЛ, БЛЯДЬ, СИДЕТЬ!

Зара вздрогнула всем телом. Книга ударилась о край кресла. Она сразу села обратно, прижав её к коленям.

Кай стоял возле стола. Кулак оставался на столешнице. Несколько секунд слышно было только вентиляцию. Он отнял руку, посмотрел на сбитые костяшки пальцев и выругался.

— Сука.

Прошёлся вдоль дивана. Остановился, развернулся, снова прошёл к столу.

Зара сидела неподвижно. Когда он приблизился к крес-

лам, она опустила глаза к книге. Пальцы стиснули обложку, на сгибе побелели суставы.

— Ты какого хуя полезла?

Она подняла голову.

— Я...

— Я спрашиваю, какого хуя ты полезла?!

— Я думала, что если вы перестанете с ним разговаривать...

— Разговаривать?!

Кай резко шагнул к ней. Зара вжалась спиной в кресло. Он остановился в двух шагах.

— Ты это, блядь, разговором называешь?

Она молчала.

— Ты видела, что происходит?

— Да.

— Видела, что он пьяный?

— Да.

— Видела, что я его уже ударил?

— Да.

— Тогда какого хуя ты подошла и начала меня за руки хватать?!

— Я не хватала... Я только...

— Да мне похуй, как ты это называешь!

Он резко отвернулся, прошёл к дивану и пнул ножку столика. Столик сдвинулся, ударившись о ножку дивана. Зара вздрогнула ещё раз.

Кай провёл ладонью по затылку.

— Блядь.

Он остановился спиной к ней, уперев руки в бока. Прошло несколько секунд.

— Ты вообще понимаешь, что этот ублюдок сделал?

Зара сглотнула.

— Он выпил. Здесь запрещено...

— Запрещено, — передразнил Кай. — Блядь, запрещено.

Он повернулся.

— Ты думаешь, меня ебёт, что он нарушил какой-то пункт правил?

— Нет.

— Тогда что?

Она помедлила.

— Это опасно. Здесь техника, люди...

— Какая техника, Авель? Какая именно?

— Буровые установки. Подъёмное оборудование. Генераторы...

— И?

— Можно ошибиться.

Кай коротко, зло рассмеялся.

— Ошибиться.

Он подошёл к столу, взял стоявшую там кружку, обнаружил, что она пустая, и с грохотом поставил обратно.

— Вот смотри. Завтра этот мудака выходит на смену. Или сегодня ночью ему приспичило пройтись по площадке. Он

нихуя не соображает. Лезет к установке, потому что решил что-то проверить. Или стоит рядом, пока другие работают. Ты понимаешь, что такое человек, который не соображает, возле вращающейся колонны?

Зара кивнула.

— Скажи.

— Его может затянуть.

— Его может затянуть. Или он другого подставит. Или перепутает команду. Или не увидит, что человек ещё не убрал руку. Там железу похуй, сколько ты выпил. Оно не остановится, потому что ты сегодня отдыхаешь.

Он говорил громко, но уже не кричал каждое слово. В конце фразы голос снова сорвался.

— И если кому-то оторвёт, блядь, руку, ты её обратно приделаешь?!

Зара резко покачала головой.

— Нет.

— Нет. Правильно, блядь.

Кай прошёл к окну.

— Здесь тридцать человек. Тридцать, блядь. Не триста. Если один идиот начинает творить хуйню, остальные за него расплачиваются. Ты хоть представляешь, сколько времени понадобится, чтобы вывезти человека отсюда, если погода закроется?

— Вертолёт...

— Какой нахуй вертолёт, если он не может сесть?!

Она замолчала.

Кай ударил ладонью по подоконнику. Не так сильно, как по столу, но Зара снова дёрнулась. Он заметил движение. Посмотрел на неё, потом отвёл взгляд.

— Медпункт здесь не операционная, Авель. Там можно остановить кровь, стабилизировать, сделать то, что возможно. А дальше что? Сидеть и ждать, пока ветер стихнет? Пока борт разрешат? Пока он вообще долетит?

Зара держала книгу на коленях. Большой палец медленно тёр угол обложки.

— Я понимаю, — сказала она тихо.

— Нет. Ты знаешь, что это опасно. Но ни хуя ты не понимаешь. Это, сука, не одно и то же.

Он выдвинул стул, сел, но почти сразу поднялся снова.

— Ты в экспедициях была. Я знаю. Но у тебя здесь не палатка с приборами и не две машины на маршруте. У меня люди на сменах работают с тяжёлым железом. Один пьяный мудака может убить другого, даже не заметив, как.

Он замолчал, тяжело выдохнул через нос.

— И эта сука привёз сюда водку. Через всю логистику, блядь. Спрятал и привёз.

Кай потёр костяшки пальцев.

— В отпуске пусть хоть в говно нажирается. Хоть каждый день. Мне похуй. Здесь — нет.

Он остановился возле стола.

— До следующего вертолёта он сидит без допуска к рабо-

там. Никакой техники, никаких смен, уёбок, блядь.

Зара кивнула.

Кай посмотрел на неё.

— А теперь ты.

Она подняла глаза. Он подошёл ближе. Зара крепче сжала книгу.

— Ты какого хуя решила, что можешь лезть между двумя мужиками, когда один бьёт другого?

— Я не собиралась между вами вставать.

— А что ты собиралась, солнышко моё учёное?

— Я хотела, чтобы вы остановились.

— Как же? Расскажи мне, блядь.

Она молчала.

— Я, сука тебя, спрашиваю, как ты собиралась остановить?

— Сказать, что с ним сейчас бесполезно разговаривать.

— И для этого надо было лезть, что ли?

Кай понизил голос.

— Я не думала, что вы...

Она осеклась.

— Что? Ну давай, лапочка. Не стесняйся. Изреки, блядь, умную мысль.

— Что вы так отреагируете.

Кай смотрел на неё.

— Так вот теперь, блядь, думай.

Он снова прошёлся по комнате. На этот раз не задел ни

стола, ни кресла.

— Запомни, Абель. Если два мужика сцепились, ты к ним не подходишь. Вообще. Не трогаешь никого. Не хватаешь за руки. Не пытаешься влезть с умными словами. Понятно?

Зара кивнула.

— Словами можно остановить человека, который ещё себя контролирует. А когда ему уже крышу сорвало и похуй твои слова до него, блядь, не доходят. И руки твои он может даже не разобрать, чьи они.

Кай остановился напротив неё.

— Ты это поняла? Громко. Чтобы я слышал.

— Да.

— Что ты делаешь в такой ситуации?

Зара посмотрела на него, потом на дверь.

— Отхожу. Зову кого-нибудь.

— Правильно, учёная ты моя. Отходишь. Держишься тихо, как мышка. Если можешь — вызываешь помощь. Если не можешь — уходишь нахуй отсюда. Диплом для этого, нахуй, не нужен.

Он помолчал.

— И это не только про меня. Вообще. Не надо проверять, блядь, сколько весит разъярённый мужик и куда он тебя может швырнуть. Когда в койку будут швырять, там не лежи бревном. В этом случае, тихо съебалась и ладушки.

Зара опустила взгляд на свои колени.

Кай посмотрел на неё, затем на кресло, сдвинутое к стене.

— А ко мне в таком состоянии вообще не подходи.

Она подняла голову.

— Поняла.

— Не трогай меня. Не хватай. Не стой рядом. Не пытайся успокаивать. Если видишь, что я сорвался, — уходи. Тебе всё, блядь, понятно?

— Да.

Он говорил уже ровнее. Мат оставался, но между фразами появились паузы.

— Никогда не попадайся мне под руку, когда я в бешенстве. Ясно?

— Ясно. Я поняла.

Он ещё несколько секунд смотрел на неё. Зара сидела, прижав книгу к животу. Лицо побледнело, губы были плотно сомкнуты.

Кай отошёл к столу, поднял упавшую чашку и поставил её на блюдце. Потом поправил сдвинутый стул.

Из коридора донеслись шаги. Дверь открылась. Вошёл Хенрик. Он

приложил к губе сложенную салфетку, на скуле проступало красное пятно.

— В медпункте, — сказал он. — Осматривают. Йонас там, Оскар тоже.

Кай повернулся.

— Что с этим мудаком?

— Нос разбит. Губа. На ногах стоит, разговаривает. Врач

посмотрит.

— Смены снять.

— Уже снял. Завтра оформим.

— Не завтра. Сейчас внеси в журнал, что отстранён. И мне фамилию того, кто проверял его вещи при прибытии.

— Найду.

— Остальную водку забрать. Если ещё есть.

— Йонас займётся.

Кай кивнул.

Хенрик посмотрел на Зару.

— Ты точно нормально?

Она ответила не сразу.

— Да. Всё хорошо.

— Головой не ударилась?

— Нет. Что ты.

Она посмотрела на стену за спинкой.

— Я в кресло упала.

— Спина?

Зара осторожно пошевелила плечами и улыбнулась.

— Не болит.

Хенрик кивнул.

— Если что-нибудь заболит — в медпункт. Не жди утра.

— Обязательно.

Он перевёл взгляд на Кая.

— Я ещё туда вернусь.

— Иди.

Хенрик вышел.

Кай достал из кармана телефон, посмотрел на экран, убрал обратно. В комнате снова стало тихо.

Зара осторожно положила ладонь на подлокотник.

— Можно я пойду?

Кай посмотрел на неё.

— Иди.

Она поднялась. На этот раз он не остановил её.

Зара поправила книгу в руках, обошла кресло и направилась к двери. Возле порога задержалась, чтобы пропустить Хенрика, который снова появился в коридоре с аптечным пакетом.

— Всё нормально? — негромко спросил он.

— Да. Спасибо.

Она вышла.

Кай остался в гостиной. Он постоял возле стола, затем поднял с пола упавшую закладку. Посмотрел на неё: узкая картонная полоска с рисунком гор. Положил на край стола, рядом с тем местом, где лежала Зарина книга. После этого взял телефон и набрал номер.

— Йонас. Это Кай. Как закончите осмотр, сообщите мне. И проверьте его комнату. Всю. Мне нужно знать, сколько там ещё этой дряни.

Он выслушал ответ.

— Да. Сейчас.

Кай отключился, подвинул кресло обратно к торшеру и

выключил свет.

В коридоре первого жилого модуля никого не было. Зара остановилась у четырнадцатой двери и достала ключ. Ключ с первого раза не попал в замочную скважину. Она опустила руку, переложила книгу под мышку и попробовала снова. Замок щёлкнул.

В комнате она включила верхний свет, закрыла дверь и повернула ключ.

Положила книгу на стол. Сняла кардиган, повесила на спинку стула. Затем остановилась посреди комнаты и посмотрела на своё запястье. На коже остались красные следы. Зара провела по ним большим пальцем, опустила руку и пошла в ванную.

Она долго мыла руки тёплой водой. Потом подняла голову к зеркалу, убрала волосы с лица и осмотрела плечо, повернувшись боком. На левом плече уже проступало розовое пятно.

Зара выключила воду.

Вернувшись в комнату, она взяла телефон, открыла сообщения

Норы и перечитала свой ответ: «Он скорее сожрёт ведро».

Зара села на край кровати. Несколько секунд смотрела на экран. Потом погасила его, положила телефон рядом и сняла носки. Книгу она так и оставила на столе.

За стеной кто-то прошёл по коридору. Послышался короткий разговор, хлопнула дверь, снова загудела вентиляция.

Зара выключила свет и легла. Через некоторое время она повернулась на другой бок, осторожно поправив плечо на подушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.